

+
приемный
покой

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ
ДОКТОР
ДАНИЛОВ
НА КАФЕДРЕ

Тяжело в ученье — легко ставить клизму!

Андрей Левонович Шляхов
Доктор Данилов на кафедре
Серия «Доктор Данилов»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6060720

Доктор Данилов на кафедре / Андрей Шляхов: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-077945-1

Аннотация

Работать на кафедре, да еще и на кафедре медицинской – это вам не жук чихнул. Тяжело в ученье – легко ставить клизму. Как доктора Данилова, врача с гигантским опытом, занесло к студентам, не может понять никто. Изнанка того, как учатся наши будущие терапевты, гинекологи и хирурги, удивит каждого.

Андрей Шляхов, врач и автор серии-бестселлера о докторе Данилове, написал фактически документальный роман о жизни кафедры медицинского института!

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	39
Глава четвертая	59
Глава пятая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Андрей Шляхов Доктор Данилов на кафедре

© Шляхов А. Л., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Памяти Зои Ивановны Пономаревой,
хорошего человека и врача*

*Зная медные трубы, мы в них не трубим.
Мы не любим подобных себе, не любим
тех, кто сделан был из другого теста.
Нам не нравится время, но чаще – место.
Потому что север далёк от юга,
наши мысли цепляются друг за друга...*

Иосиф Бродский

«Песня невинности, она же – опыта».

Глава первая

Превратности учебного процесса

– Владимир Александрович, я бы хотел обсудить с вами ваше занятие в двенадцатой группе...

Доцент Кулешов, заведующий учебной частью кафедры и ответственный за клинических ординаторов, являл собой классический пример того, что человек с мягкими чертами лица может иметь резкий и колючий характер. Андрей Евгеньевич при невысоком росте отличался любовью к длинным халатам, отчего со стороны смотрелся немного комично. Во время разговора он никогда не смотрел в глаза собеседнику, а уводил взгляд куда-то в сторону. Данилова это слегка раздражало, но не так, чтобы выбивать из колеи.

– ...У меня есть сведения, что вместо того чтобы провести занятие по теме «Кислотно-основное состояние¹ и водно-электролитный обмен», вы занимались тем, что критиковали учебный процесс в академии...

Слово «академия» Кулешов произносил величественно, с придыханием, разве что палец вверх не поднимал. А как иначе?! Первая московская медицинская академия имени С.

---

¹ **Кислотно-основное** состояние (кислотно-щелочной баланс) – соотношение концентраций водородных (H) и гидроксильных (ОН) ионов во внутренней среде организма.

П. Боткина – это вам не хухры-мухры, а старейшее, авторитетнейшее... и так далее, причем все слова желательно употреблять в превосходной степени.

– ...и давали глобальные оценки знаниям студентов. Это так?

– «Вместо» не совсем верно сказано, Андрей Евгеньевич, – поправил Данилов. – Данное слово подразумевает, что занятие не было проведено, но это не соответствует действительности. Занятие я провел, но в самом начале его был удивлен, нет, не удивлен, а поражен низким уровнем знаний студентов. Разумеется, я высказал свое недоумение. Справедливое, поскольку студентам пятого курса лечебного факультета не годится путать алкалоз² с ацидозом³...

– Это – студенты, – делая упор на слово «студенты», напомнил Кулешов.

– Пятого курса, – в тон ему ответил Данилов, выделив слово «пятого». – Пора бы уже выучить и понимать, чем грозит нарушение кислотно-щелочного баланса. А то ведь даже представления нет о том, насколько он важен...

Двенадцатая группа была «блатной» или, как выражалась ассистент Короткевич, «мажоритарной», – состояла из детей высокопоставленных или просто богатых родителей. При-

---

² **Алкалоз** – изменение кислотно-щелочного баланса организма за счет накопления щелочных веществ.

³ **Ацидоз** – изменение кислотно-щелочного баланса организма в сторону увеличения кислотности.

выкнув уповать на то, что папы с мамами решают все проблемы, детишки не особо обременяли себя учебой. Некоторые даже совсем. Но в то же время считали себя семи пядей во лбу и не гнушались уличить преподавателя в невежестве. Так, например, когда Данилов сказал, что типичным симптомом гипергликемической⁴ комы является метаболический ацидоз, студентка Шаурцева, дочь проректора академии по учебной работе, снисходительно улыбнулась и поправила с места:

– Вы, наверное, хотели сказать, что типичным симптомом гипергликемической комы является гипергликемия.

Вся группа сразу же заулыбалась. Шаурцева явно была заводилой, неформальным лидером. А может, просто шутом... Но шуты не держатся с таким, поистине царственным, высокомерием.

– Я хотел сказать именно то, что вы слышали, – ответил Данилов и поинтересовался: – Кто-нибудь может рассказать механизм возникновения ацидоза при гипергликемии?

Группа молчала.

– Ну, хотя бы приблизительно, – снизил планку Данилов. – В общих чертах.

В ответ – ни слова.

– Давайте подумаем вместе, – сдался Данилов. – В норме продукты окисления органических кислот довольно быстро удаляются из организма...

---

⁴ Вызванной повышением уровня сахара (глюкозы) крови.

Данилову хватило двух минут для того, чтобы осознать, что студенты не понимают, о чем идет речь. Ладно, реплик с места не подают и вопросов не задают (черт с ними), но откуда в глазах такая незамутненная пустота? Пришлось оборвать себя на полуслове и задать парочку элементарных вопросов по биохимии, которую студенты лечебного факультета изучают на втором курсе.

Сам задал и ответил. Нормально. Для полноты впечатления Данилов покопался в эндокринологии, которую пятикурсники изучали недавно, в прошлом году. Снова безрезультатно. Данилов не сдержался и высказал свое мнение. Но не по поводу учебного процесса в академии вообще, а про знания конкретных, сидящих перед ним, студентов. Можно ли назвать сказанное им глобальной оценкой? Нельзя, это Кулешов перегнул, точнее, лоханулся. Данным словом определяют нечто, имеющее мировое значение, а тут, понимаешь ли, оценка знаний, констатация полной профессиональной безграмотности.

– Я многое могу понять, – сказал студентам Данилов, – но на что вы рассчитываете в будущем, не могу. Или вы все собираетесь стать медицинскими представителями фармацевтических фирм?

– Всему, что нам надо, мы научимся в ординатуре, – на полном серьезе ответила Шаурцева. – Там нас научат, натаскают...

– Настропалят! – сказал кто-то.

Плоскую шутку студенты встретили дружным ржанием. Данилов подождал, пока уляжется смех, и вкратце изложил свое видение учебного процесса, особо подчеркнув то, что, придя в ординатуру с пустой головой, также ее и закончишь. Семена знаний дают всходы только в подготовленной почве.

Занятие пришлось провести по упрощенной схеме, объясняя элементарное буквально с азов. Студенты не слушали, а только изображали внимание. Спасибо и на этом. Вообще-то двенадцатую группу вела ассистент Короткевич. Данилову как старшему лаборанту и новому сотруднику вести занятия со старшими курсами было не по чину. Разве что в порядке замены. Пока что Данилов вел две группы третьекурсников. Виды обезболивания, обследование больного, предоперационная подготовка, аппаратура для наркоза, правильное заполнение наркозной карты и все прочее. Азы специальности, иначе говоря...

– Те, кто захотят стать анестезиологами-реаниматологами, будут проходить ординатуру...

– Именно так мне студенты и ответили, Андрей Евгеньевич. Ординатура научит.

– Разве не так? – Кулешов удивленно вскинул белесые брови.

– Не совсем так, – поправил Данилов. – Иначе зачем учиться шесть лет? Лучше уж сразу поступать в ординатуру. Это же какая экономия времени и денег!

– Не надо ерничать! – попросил Кулешов. – И передерги-

вать тоже не надо.

– Я? – искренне удивился Данилов. – Я не передергиваю. Вы говорите, что в ординатуре всему научат, а я интересуюсь – зачем тогда нужно просиживать шесть лет в институте?

– Институт дает фундаментальные знания, – надул и без того круглые щеки Кулешов. – Закладывает основы...

– Как, если студенты пятого курса не отличают алкалоза от ацидоза? – Данилов улыбнулся понимающе и в то же время иронично. – И соответственно, не представляют, чем грозят организму такие состояния...

– Вы перегибаете палку, – поморщился Кулешов. – Двенадцатая группа на хорошем счету...

Данилов улыбнулся еще раз, саркастически.

– ...во всяком случае, не хуже других! – веско сказал Кулешов. – Яна Зиновьевна ими довольна, а она работает на кафедре не первый год.

Данилов понял, что ему указали на его место, последнее с конца. Если ты на кафедре без году неделя, то не хрена лезть в учебный процесс и оценивать знания пятикурсников. Лучше, мол, свои собственные оцени.

– Если двенадцатая группа не хуже других, то это ужасно, Андрей Евгеньевич.

– Почему, Владимир Александрович?

– Потому что абсолютная незамутненность сознания, я хотел сказать – полное отсутствие знаний у будущих врачей. Это ужасно. Без преувеличения. И если так обстоят дела в

нашей академии, что же можно сказать о...

– Давайте не будем обобщать! – взвизгнул Кулешов. – Вы для этого недостаточно компетентны!

– Я исхожу из сказанного вами, – парировал Данилов. – Вы сказали, что двенадцатая группа не хуже других, я и...

– Знаете, что я вам скажу, Владимир Александрович! – вспылil Кулешов. – С вами тяжело разговаривать!..

«Я же не прошу, – изобразил на лице Данилов. – Вы ж меня сами вызвали».

– Вызвал! И не только по поводу двенадцатой группы!

«Мать честная! – удивился Данилов. – Где же еще я прокололся?»

– На вас жалуются местные анестезиологи...

Это означало – больничные, врачи из отделения.

– ...вы со студентами дезорганизуете их работу. Скажите, пожалуйста, зачем вам понадобилось водить третий курс в операционные?

– Что-что? – переспросил Данилов, думая, что ослышался.

– Вы водите табуны студентов третьего курса в операционные, – повторил Кулешов, – мешаете работать докторам, они уже жаловались.

– «Табуны» применительно к студентам – это звучит! – оценил Данилов, с удовольствием замечая, как наливается красным цветом лицо Кулешова. – Только я, с вашего позволения, Андрей Евгеньевич, вожу группы. И по предвари-

тельному согласованию с заведующим отделением, а не просто так.

– Но зачем? На кафедре же есть учебные аппараты...

– В рабочем состоянии всего два, – напомнил Данилов. – И у всех наших аппаратов есть один существенный недостаток.

– Какой?

– К ним никто не подключен, – объяснил Данилов. – А в операционной совсем другое дело, там – настоящая анестезиология, а не...

– Я вас понял! – перебил Кулешов. – Только учтите, что настоящая, как вы выражаетесь, анестезиология третьему курсу не нужна. Еще не факт, что кто-то из ваших студентов решит стать анестезиологом, а работу своих коллег вы этими посещениями дезорганизуете. Привыкайте обходиться тем учебным материалом, что есть на кафедре, а в операционные пусть ходят ординаторы, им это реально надо.

– Но в перечне практических знаний и навыков, которыми должен овладеть студент третьего курса, значится определение стадии и глубины наркоза по клиническим признакам, – Данилов для наглядности начал загибать пальцы на правой руке, – профилактика и купирование регургитации⁵ и рвоты в период вводного наркоза, выбор метода премедикации⁶ в

---

⁵ **Регургитация** – быстрое движение жидкостей или газов в направлении, противоположном естественному.

⁶ **Премедикация** – предварительная медикаментозная подготовка больного к

зависимости от состояния больного и срочности оперативного вмешательства... На манекенах мы только интубацию трахеи отрабатываем.

– Что третий курс может понимать в выборе метода премедикации! – Кулешов всплеснул руками. – Расскажите и попросите пересказать – этого вполне достаточно. Не осложняйте жизнь себе и людям!

– Я не осложняю никому жизнь, Андрей Евгеньевич, – возразил Данилов, – я стараюсь сделать свою работу так, чтобы мне не было потом стыдно. А то ведь всякие случаи бывают...

– Какие именно? – вскинулся Кулешов.

– Разные.

Вдаваться в подробности Данилову не хотелось, потому что они могли навредить другим людям.

А можно было бы рассказать, как ординатор второго года Бушмин стеснительно и конфиденциально попросил Данилова показать, как работает наркозный аппарат японской фирмы «Миракл». Ничего особенного, аппаратов много, все и не изучишь, но миракловский аппарат относился к одним из самых распространенных, и в семьдесят седьмой больнице, где базировалась кафедра, использовался уже лет пять. Так что же мешало в первый же год ознакомиться с аппаратом? Одно из двух – или дурака валял молодой человек, или сразу же так «запрягли» на кафедре (это тут делать умели),

что ни на что другое времени уже не оставалось. Кого статьи с монографиями писать посадят (их только подписывают корифеи, но пишут ординаторы, аспиранты или ассистенты), кого, по просьбе больничной администрации, в реанимацию дежурить отправят, дырки в графике затыкать. Дежурить, конечно, хорошо для опыта, но опыт получается односторонним, сугубо реанимационным, без анестезиологического.

– Куда-то не туда пошел у нас разговор, – Кулешов в раздражении хлопнул ладонями по подлокотникам своего кресла и покачал головой. – Создается такое впечатление, что вам, Владимир Александрович, доставляет удовольствие делать все наперекор.

– Нет, – Данилов покачал головой. – Отнюдь. Просто я стараюсь проводить занятия не по принципу «и так сойдет», а так, чтобы от них студентам была польза. Это же практические занятия, не так ли, Андрей Евгеньевич?

– Да, – подтвердил Кулешов.

– Ну, хоть по какому-то вопросу у нас с вами есть единое мнение, – пошутил Данилов, желая разрядить обстановку.

Зря пошутил, только подлил масла в огонь, пылавший в душе Кулешова. Андрей Евгеньевич поджал губы, поиграл желваками и уже откровенно недружелюбно выдал:

– Не пытайтесь выставлять себя лучше других! А то, по-вашему, выходит, что вся кафедра ведет учебный процесс спустя рукава, и только старший лаборант Данилов приносит

студентам реальную пользу!..

«Ну, насчет всей кафедры я бы не подписался, – подумал Данилов, – но процентов на пятьдесят так и есть. Студенты воспринимаются, как обуза, не более того. Доцент Ряжская называет учебную нагрузку «учебной повинностью», а Сааков – «каторгой». Он, впрочем, шутит, утрируя, а Ряжская говорит, как есть. И занятия она ведет так, словно отбывает повинность».

Перед тем как начать самостоятельно вести занятия, Данилов прошел двухнедельный курс молодого бойца: отсидел две недели на занятиях у Ряжской, перенимая ее ценные умения. Опыт давался с великим трудом, потому что приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не заснуть.

Доцент Ряжская монотонно бубнит, студенты записывают, потом два-три человека отвечают на вопросы Ряжской, зачитывая ответы из тетрадок... Лепота благолепная, а не занятие. Можно купить книжку вроде «Анестезиология и реанимация в вопросах и ответах» или «Шпаргалки по анестезиологии и реанимации» и почитать ее дома, и толку будет ровно столько же.

А если Ряжская ведет студентов в реанимацию или оперблок, то возле больных надолго не задерживается. Заведет в какой-нибудь коридорный закуток и тоже примется бубнить. Ну, не любит человек ни свою специальность, ни медицину вообще, ни преподавание. Любит только себя и свой статус, карьеру. Скоро профессором станет: на декабрь защита док-

торской назначена, глядишь, и кафедрой заведовать будет. Зубастая дамочка, акула Каракула, у такой на пути лучше не стоять, загрызет. Одни глаза чего стоят: словно колючие ледышки. К Данилову Ряжская относилась нормально, разве же он ей конкурент? А доцента Паршина или Кулешова старалась выставить дураками или просто полить дерьмом при каждом удобном случае.

– ...Вы, можно сказать, человек на кафедре случайный, – нагнетал Кулешов, – опыт у вас есть, я не спорю, но он несколько иного характера. Преподавательской работой вы ранее не занимались, так ведь?

– Нет, – кивнул Данилов. – Но как практик, бывший студент и интерн, прекрасно представляю, каким должен быть учебный процесс, чтобы приносить студентам максимальную пользу. Самому, знаете ли, пришлось многому доучиваться в процессе работы, когда надо совершенствовать знания, а не приобретать их.

Кулешов откинулся на спинку кресла и впервые за весь разговор посмотрел Данилову в глаза.

– Если вы так хорошо все понимаете, то, может, возьмётесь заведовать учебной частью? – издевательски усмехаясь, спросил он. – Я с удовольствием уступлю вам эту обязанность. Что скажете, Владимир Александрович?

– Могу, – с такой же усмешкой ответил Данилов. – Без проблем. Не боги горшки обжигают, Андрей Евгеньевич. Не подведу, короче.

В разговоре возникла пауза, в ходе которой собеседники обменялись серией взаимоуничтожительных взглядов. «Так вот ты какой!» – говорили взгляды, добавляя к этой фразе ряд не самых лицеприятных эпитетов. Хоть и без слов, все было ясно, обмен информацией шел на ментальном уровне.

– Я буду ставить перед Олегом Тарасовичем вопрос о целесообразности вашего преподавания, – первым нарушил молчание Кулешов. – И вообще...

Олегом Тарасовичем звали профессора Погребенько, заведующего кафедрой.

– Вы удивительно непоследовательны, Андрей Евгеньевич, – ответил Данилов, – то вы собираетесь уступить мне заведование учебной частью, то хотите отстранить меня от преподавания. Где логика? А после вашего многозначительного и потому очень зловещего «и вообще» я вряд ли сегодня засну.

Издваться над Кулешовым было приятно. И совесть не мучила. Он начал первым, сначала попытался докопаться, потом стал ерничать. Напросился, в общем. Ну, раз напросился, то получай!

– Вы, Владимир Александрович, еще не знаете меня с плохой стороны, – прищурился Кулешов. – А когда узнаете – будет поздно.

– Так это пока было с хорошей? – деланно удивился Данилов. – А я, признаться, подумал...

– Всего хорошего! – было сказано таким тоном, что про-

звучало наподобие: «Чтоб ты сдох».

– И вам! – ответил Данилов.

Кабинет у Кулешова был крошечным, под стать его авторитету. Размер кабинета всегда напрямую зависит от этого, почти аксиома. Выполняя разворот на сто восемьдесят градусов (с негнувшимся коленом это не совсем просто), Данилов едва не сбил плечом висевший на стене горшок с каким-то чахлым растеньицем. «Рядом с тобой даже трава вянет», – позлорадствовал Данилов и вышел из кабинета.

Последствий он не опасался. Кого опасаться? Кулешова? Да кто он такой? Чижик-пыжик, пыжится, чирикает, да все без толку. Ишь ты – заведующим пугать вздумал! Как бы самому боком не вышло, ведь Данилов кругом прав, а Кулешов, соответственно, не прав.

Глава вторая

КАФЕДРА АБСУРДОЛОГИИ И РЕИНКАРНАЦИИ

– Самого учета, как такового, в психдиспансерах давно уже нет, теперь это называется наблюдение. Оно может быть диспансерным и консультативным, чисто формальным, не накладывающим никаких ограничений. На консультативный учет ставятся все, кто хоть раз обращался к психиатру со своими проблемами. Если пациент, состоящий на консультативном наблюдении, не обращается к врачу в течение года, то его карта сдается в архив и лежит там.

– Сколько?

– По-разному, зависит от учреждения. Положено хранить карты в архиве двадцать пять лет, но у нас везде бардак... Кстати, сняться с диспансерного наблюдения можно не только после выздоровления или, как чаще выражаются, «при устойчивой ремиссии», но и за невозможностью наблюдения. Если годами не являться, то через три года карту могут отправить в архив. Но оттуда ее можно затребовать.

– А можно и не запрашивать.

– Это как психиатрам захочется.

– А «устойчивая ремиссия» длится сколько времени?

– Не менее пяти лет. В таком случае есть возможность

снять диагноз.

– Небось устанешь бегать по врачам?

– Совсем нет. Пишется заявление на имя главврача диспансера с просьбой назначить комиссию для пересмотра диагноза – и все. Ну, и на комиссию надо прийти. Часика два помучают вопросами и снимут диагноз.

– А может, и не снимут?

– Ну, что ты заладил – «а может», «а может»! Тебе до снятия диагноза еще далеко...

– Двадцать восемь лет уже, пора, из призывного возраста вышел. У меня же не шизофрения какая-нибудь, а биполярное аффективное расстройство.

– Хрен редьки не слаще!..

Старшая медсестра реанимационного отделения Любовь Сергеевна начинала трудовую деятельность в психиатрии и благодаря этому обстоятельству считалась в семьдесят седьмой больнице главным консультантом по психиатрическим вопросам. Консультировала она без особой охоты: у старшей медсестры, да еще в таком отделении, как реанимационное, каждая минута на счету, и так ежедневно на час-полтора приходится задерживаться на работе, но никому не отказывала. Раз спрашивают люди, значит, надо.

Сейчас надо бежать в аптеку, а рентгенлаборант Кочин все никак не уходит – задает вопрос за вопросом. Раньше думать надо было, когда от армии косил. Психиатрический диагноз «сделать», конечно, проще, но и проблем с ним

больше, чем, скажем, с какой-нибудь заковыристо-мудреной аритмией.

Появление Данилова Любовь Сергеевна встретила с энтузиазмом. Во-первых, Данилову она симпатизировала. Свой человек, практик. Все умеет, все понимает, но не задается, как другие ученые мужи. Некоторые считают, что статус сотрудника кафедры, служителя науки, возвышает их над окружающими. Наивные и самонадеянные люди... Может, где-нибудь в Мышкине или Торжке кафедральные сотрудники редкость, а в Москве их пруд пруди. Куда, как говорится, ни плюнь, непременно в научного работника попадешь.

Во-вторых, вопрос у Кочина был деликатный, не предназначавшийся для посторонних ушей. Поэтому он сразу же ушел. «Наконец-то!» – обрадовалась Любовь Сергеевна и жестом пригласила Данилова садиться на освободившийся стул.

Стул для посетителей был единственным, для второго просто не хватало места, поставь еще один стул, просто повернуться негде будет. У старших медсестер традиционно тесные кабинеты. Даже если кабинет довольно велик, что случается крайне редко, то он непременно будет заставлен коробками с медикаментами, запасным оборудованием и т. п. Старшая медсестра – лицо материально ответственное.

Данилов сел. Трость, чтобы не мешалась, прислонил к столу Любви Сергеевны.

– Владимир Александрович, а можно нескромный во-

прос?

– Смотря какой, – улыбнулся Данилов. – Если не слишком интимный, то можно.

– Почему вы то с палочкой ходите, то без нее?

– Это ваш нескромный вопрос? А я-то подумал... Колесно периодически ноет, и тогда приходится снижать нагрузку. Но без третьей ноги мне морально комфортнее, никак к ней не привыкну.

– Я понимаю, – кивнула Любовь Сергеевна. – Вы – молодой энергичный мужчина, вам этот стариковский атрибут нравиться не может.

– За комплимент спасибо, но дело не в том – неудобно, когда одна рука постоянно занята...

И еще Данилову было очень непривычно, что в метро все или почти все норовили уступить ему место. Как же: раз с палочкой, значит, инвалид. Вчера вечером это попытался сделать мужчина лет шестидесяти пяти. Данилов смущенно поблагодарил, но сесть отказался. Мужчина оказался настоящим, и они, на потеху всему вагону, вежливо препирались от «Пролетарской» до «Текстильщиков» прямо как Чичиков с Маниловым. Препирались бы и до самих «Кузьминок», если бы мужчина не вышел в «Текстильщиках». А тут еще какая-то полная пергидрольная дама начала громко сочувственно охать и полезла с вопросами:

– Вы военный, правда? Я же по выправке вижу, что вы – офицер! – Данилов, которого мать вечно ругала за то, что он

сутулится, еле удержался от смеха. – Это у вас ранение? Да? Вы в горячих точках служили? А где именно? Племянник моего покойного мужа служил в Карабахе. А вы были там? У вас пулевое или осколочное?

– Это у меня врожденное, – соврал Данилов, надеясь, что дама отстанет.

Фигушки!

– Врожденное?! – пуще прежнего оживилась дама. – А что же ваши родители не лечили вам ножку? Ну, папа еще ладно, мужчины никогда не занимаются детьми, а мама? Что думала ваша мать?

Поняв, что в ответ на каждое слово получит не менее сот-ни, Данилов больше на вопросы не отвечал. Дама довольно скоро обиделась и сменила тему: начала жаловаться кому-то на своего зятя.

– Вы представляете, он работает семь дней в месяц, а все остальное время отдыхает! Я как только ему не намекала: и газеты с вакансиями на стол клала, и объявления приносила...

«Не иначе, зять – врач или фельдшер, – подумал Данилов. – Знакомая ситуация. Только не надо путать сутки с днями. День – когда с девяти до пяти, а потом домой».

Некоторые из коллег по «Скорой помощи», бывало, жаловались на родственников-не медиков (преимущественно тещ и свекровей), которые упорно не хотели понимать разницу между рабочим днем и сутками. «Двадцать выходных дней

в месяц! Это ж с ума от безделья можно!» – осуждающе за-
видовали они. А десять рабочих суток и двадцать выходных
в месяц это, между прочим, работа на полторы ставки, сутки
через двое. Сутки отпахал, отоспался, переделал кое-какие
дела и снова на работу. Не так-то все и просто...

– Чем могу помочь, Владимир Александрович? – перешла
к делу Любовь Сергеевна. – Какие-то проблемы с нашим от-
делением?

– Это я хотел узнать, зачем вы меня пригласили, – ответил
Данилов.

– Я?! – удивилась старшая медсестра. – Я вас всегда рада
видеть, но не приглашала. Да и не по чину мне, как говорит-
ся... Было бы что надо – сама бы пришла. Или кто-то вас
разыграл? Любопытно, кто же? Наверное, Сааков, такие шу-
точки как раз в его стиле...

– Ситуация действительно любопытная, – согласился Да-
нилов, – но это не Сааков. Вчера вечером, часов около вось-
ми, я получил эсэмэску. Сейчас покажу...

Он достал из кармана навороченный коммуникатор, пода-
ренный Еленой на день рождения, и продемонстрировал Лю-
бови Сергеевне сообщение: «Жду завтра, есть срочная тема.
Люба». Время получения 20:04.

– ...а поскольку, кроме вас, ни одной знакомой с таким
именем у меня нет, я и решил, что это вы написали.

– Я?! – повторила Любовь Сергеевна. – Вечером вам со-
общения отправлять? Да я и номера вашего не знаю. Это кто-

то ошибся, не иначе...

– Наверное, – согласился Данилов, убирая коммуникатор обратно. – И номер отправителя незнакомый. Но я просто подумал, зная, что вы нередко задерживаетесь на работе...

– Ну не до восьми, во всяком случае! Максимум до шести, до половины седьмого!

Рабочий день у старших сестер в стационарах обычно начинается в восемь часов.

– Тогда извините за беспокойство...

Данилов взял в правую руку трость и упер ее в пол. Что ни говори, как ни хорохорься, а вставать так удобнее.

– Подождите минуточку, Владимир Александрович, – попросила Любовь Сергеевна. – Раз уж вы пришли, то не уходите. У меня есть вопрос... Даже консультация.

Данилов снова пристроил трость к столу.

– Я слышала, – Любовь Сергеевна немного смутилась, – что вы работали в тюремной больнице. Это правда?

– Да, – кивнул Данилов и уточнил: – Точнее, медсанчасти исправительной колонии строгого режима⁷. И не очень долго.

– Но с порядками тамошними успели познакомиться?

– Да.

– А что в колонии, так это еще лучше.

Любовь Сергеевна сделала небольшую паузу. Данилову показалось, что она колеблется.

---

⁷ Об этом рассказывается в книге «Доктор Данилов в тюремной больнице».

– Только пусть это останется между нами, хорошо? – попросила она и после кивка Данилова продолжила: – У меня посадили племянника, сына старшего брата. Брат старше меня на четырнадцать лет, он, собственно, был мне вместо отца, но особенно близки мы не были. Разница в возрасте, и вообще... Но это я так – к слову, брат умер полтора года назад, рак поджелудочной, сгорел в полгода... А месяц назад арестовали племянника, сейчас он сидит в Матросской Тишине под следствием. Статья серьезная – присвоение денежных средств в крупном размере с использованием своего служебного положения. От пяти до десяти лет. Эх...

Подробностями Данилов интересоваться не собирался, но их ему и так рассказали.

– После института мать устроила его бухгалтером в районный досуговый центр. По знакомству. Ездить недалеко, работа не очень пыльная, были определенные карьерные возможности. По большому счету, какая разница, где именно опыта набираться? Рома и работал. Через год из простого бухгалтера стал главным, когда его начальница стала председателем муниципального собрания. А потом она сделала его руководителем досугового центра, а в главные бухгалтеры пристроила какую-то свою протеже, молодую девчонку. Рома ходил гоголем: как же, такой карьерный взлет за каких-то два с небольшим года. Мы все за него радовались, дуем, на ноги парень встал. И вдруг – арест! Оказывается, что эта самая председатель втянула Рому в махинации. По ее

указке и вроде как под ее прикрытием Рома налево и направо списывал деньги, большие суммы, и прикарманивал часть средств, львиную долю, конечно, отдавал, но и себе кое-что оставалось. Я, например, по наивности своей, верила, что у него хорошая зарплата, а оказалось, что это он сам себе платил...

Сейчас он – главный обвиняемый. Председатель муниципалитета совершенно ни при чем, ничего не знала и не ведала, главбух оформляла документы так, как говорила директор, а Рома, дурачок, еще и в письменном виде приказывал! Нет, вы представляете – нравилось ему в бюрократию играть!

А вопрос у меня такой. Что Рому условно не осудят, это нам всем уже ясно. Даже адвокат сказал, что исключает такую возможность, и посоветовал подобрать Роме хорошую колонию и договариваться, чтобы после суда его туда отправили... Хорошего там все равно нет ничего, а такую, где не так тяжело отбывать срок. Вот я и решила спросить вас: не посоветуете ли подходящее место, желательно не очень далеко от Москвы?

Красивые карие глаза смотрели на Данилова с надеждой. У Любви Сергеевны были красивыми не только глаза. Живое лицо с высокими скулами отличалось правильностью черт. Густые коротко стриженные каштановые волосы красиво завивались на концах (у себя в кабинете Любовь Сергеевна всегда снимала колпак и ставила его, накрахмален-

ный, на стол). Руки, даже с коротко подстриженными, по рабочей необходимости, ногтями смотрелись изящными. Ладную фигуру Любови Сергеевны кто-то мог бы счесть немного полноватой, но что это такое для женщины, перешагнувшей судьбоносный сорокалетний рубеж? Ничего, ровным счетом, ничего особенного!

– Увы, Любовь Сергеевна, рад бы помочь, да не могу, – Данилов, насколько позволяло пространство, развел руками. – Я работал всего в одной колонии, недолго, со всей системой ознакомиться не успел...

– А ваше учреждение? Про него вы что скажете?

– Колония как колония, – Данилов пожал плечами. – Не санаторий, но вроде бы и не филиал гестапо. И находится относительно близко – на юге Тверской области. Только она вашему племяннику не подойдет, потому что на строгий режим с первой судимостью обычно не попадают. А если и отсылают туда, то за тяжкие преступления вроде убийства.

– Жаль, – вздохнула старшая медсестра. – Мы с невесткой облазили в Интернете все форумы, но мнения совершенно противоположные, решила вас спросить. Только вы уж, пожалуйста, не распространяйтесь...

– Ну что вы, Любовь Сергеевна! – укоризненно нахмурился Данилов. – Можете не волноваться. Я вообще не любитель сплетничать, тем более на подобные темы. Кстати, не буду обнадеживать, но могу попробовать навести справки. Если, конечно, у человека не сменился телефонный номер...

– Буду очень признательна, – Любовь Сергеевна улыбнулась, но вышло совсем грустно. – Вот уж никогда бы не подумала, что придется столкнуться. Верно говорят: не зарекайся!⁸

«Позвоню Константину, – Данилов вспомнил о фельдшере Конончуке, своем сослуживце по лагерной медсанчасти, – заодно и пообщаемся, новости друг другу расскажем».

Любовь Сергеевна оказалась настолько любезной, что даже предложила чай, от которого Данилов отказался. И так за время их недолгой беседы дверь за его спиной несколько раз открывалась и закрывалась. К старшим медсестрам постоянно есть какие-то вопросы, они все время и всем нужны.

Придя на кафедру, Данилов застал свою «наставницу», старшего лаборанта Колосову, в состоянии, близком к помешательству. Причина была весьма прозаической: Колосова пришивала металлическую цепочку-вешалку к воротнику своей кожаной куртки. Иголлка с трудом пробивала кожу, Колосова колола пальцы, ярилась, пыхтела и выплескивала эмоции глобально.

– Вот же... жизнь!.. ее во все форамены!⁹ Не рукоделие, а... мученье!

– Наперсток нужен, – сказал Данилов. – И шильце. Проколоть дырочку и совать туда иголку.

– Наперсток какая-то... скоммуниздила, а шильца у меня

---

⁸ Имеется в виду пословица: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся».

⁹ **Foramen** (лат.) – отверстие.

нет, — ответила Колосова. — Разве что у нейрохирургов попросить, да ведь не дадут. А пришить надо срочно: в поликлинике без вешалки вещи в гардероб не берут, а в верхней одежде врачи не принимают даже коллег. Порядки у них такие... мать!

Колосова ждала ребенка. В январе собиралась в декрет, а пока передавала Данилову знания и полномочия, готовила себе смену. Должность старшего лаборанта кафедры по важности работы сродни должности старшей медсестры отделения. Старший лаборант кафедры организует работу учебно-вспомогательного персонала кафедры, распределяет работу между лаборантами, обеспечивает условия для нормальной работы преподавательского состава, поддерживая порядок на кафедре, обеспечивает учебный процесс техническими средствами, составляет заявки на необходимый инвентарь, оборудование, реактивы и обеспечивает их своевременное получение... И это еще далеко не все. Работу старшего лаборанта нельзя сводить только к технической стороне — организует, обеспечивает, составляет. Старший лаборант еще и участвует в научных исследованиях кафедры с перспективой написания кандидатской диссертации. А еще он является материально ответственным лицом. Правда, материальную ответственность Колосова Данилову пока не передавала, оставила это на потом.

— А можно я попробую? — Данилов забрал у не слишком сопротивлявшейся Колосовой куртку и иголку. — Не обе-

щаю, что будет стежок к стежку, но крепко будет точно.

– Стежок к стежку! – хмыкнула Колосова. – Скажете тоже...

Ее собственное шитье было далеко от идеала, но прихватить цепочку с обоих концов получилось. Осталось закрепить начатое дело.

– Шьющий мужчина – это нонсенс! – освободившись от доуки, Колосова захотела поболтать. Она вообще была разговорчивой и компанейской. – Сейчас и шьющая женщина редкость, все покупают готовое и выбрасывают, не чиня и не перешивая. А вот бабка моя шила все, что угодно, – от наволочек до мужских пиджаков! У меня машинка ее, «Зингер», на память осталась. Выбрасывать жалко, а что с ней делать – ума не приложу...

– Можно взять черной краски и краски под бронзу, покрасить ее и выставить где-нибудь дома в качестве ретро-артефакта, – предложил Данилов. – А можно отдать тем, кто интересуется стариной...

– Вот еще! – фыркнула Колосова. – Чтобы потом моя машинка на каком-нибудь аукционе с молотка ушла?! Нет, я лучше, действительно, выкрашу ее и поставлю в гостиной. Вот рожу и выкрашу, а то сейчас меня от одного запаха краски воротит. Вчера зашла по делу в кардиореанимацию, а у них там трубы отопления только что покрасили... Неудобно вышло, конечно, до туалета добежать не успела, прямо в коридоре – того... Знаете, как я поняла, что беременна? Ка-

кой-то придурок написал маркером на двери: «Кафедра абсурдологии и реинкарнации»...

«Остроумно, – оценил Данилов. – Надо запомнить».

– ...Здоровенными такими буквами написал! Я взяла салфетку, ацетон и пошла ликвидировать последствия. Открыла бутылку, а меня ка-а-ак скрутит...

– После родов вам долго будет не до машинки, – тоном бывалого человека сказал Данилов, завязывая узел на одной стороне. – Года два – как минимум. Уж поверьте.

– Охотно верю, – улыбнулась Колосова. – Как, кстати, ваша малышка?

– Растет, – кратко ответил Данилов, не очень-то любивший рассказывать о доме и семье на работе.

– Скорей бы и мне... – вздохнула Колосова. – Жду не дождусь.

За неимением под рукой ножниц нитку пришлось перекусить.

– Быстро вы! – похвалила Колосова. – Вот что значит – руки растут оттуда, откуда надо! Не то что мой муж. Он в прошлом году сподобился полку в коридоре повесить, так потом двое суток в нашей реанимации лежал.

– Почему?

– Дрелью в проводку влез, током шандарахнуло, боялись, что сердце остановится. Вот так у нас бывает!

– Это может случиться с каждым, – заметил Данилов. – Делают проводку одни люди, а полки вешают другие.

– Может, с каждым, а всегда случается с моим, – Колосова вздохнула и погладила себя по животу. – Одна надежда, что ребенок пойдет везучестью в меня. Два неудачника в семье из трех человек – это перебор.

– Принимайте работу! – Данилов снова перекусил нитку, положил иголку на стол Колосовой, а куртку развернул перед ней. – Устраивает?

Колосова подергала за цепочку, проверяя, крепко ли та пришита (пришито было не только крепко, но и аккуратно), осталась довольна и пожелала немедленно отблагодарить Данилова за услугу.

– Кулешов сегодня кляузничал на вас шефу, – сказала она. – Я мельком слышала вашу фамилию и фразу: «Слишком высокого о себе мнения». Начальник его слушал внимательно, но без особой благосклонности. Что вы уже успели не поделить с Андрюшей?

– Да так, немного подискутировали, – ответил Данилов. – Ничего особенного.

– Вам-то, может, и ничего, а Андрюша возбудился. Будет теперь мстить.

– Переживу как-нибудь, – улыбнулся Данилов. – Чай, не граф Монте-Кристо мне мстить будет... Ну, наябедничает он Олегу Тарасовичу, а что дальше?

– Смотря как наябедничать. От такого дисфоричного социопата, как Кулешов, всего можно ожидать. Если он, к примеру, расскажет шефу, что вы постоянно оказываете знаки

внимания Марине Байде, ну, вроде как глаз на нее положили, то неприятности вам гарантированы.

Марина Байда, симпатичная блондинка с претензией на элегантность, была аспиранткой второго года.

– А какая связь между шефом и Мариной? – поинтересовался Данилов.

– Половая! – усмехнулась Колосова. – А то вы не знали!

– Нет.

– Странно, кажется, все в курсе. Я не удивлюсь, если, в конце концов, Марина женит его на себе. Она очень хваткая и расчетливая, хоть и кажется на первый взгляд безобидной ромашкой. Шеф от нее без ума...

– Он вам сам об этом сказал? – поддел Данилов.

– Что я, слепая?! Я же вижу, как он на нее смотрит. Тарасыч на всех смотрит так, – Колосова слегка нахмурила брови, придавая взгляду строгости, – а на Маринку – вот так, – складка между бровей разгладилась, рот расплылся в улыбке, а лицо приняло простодушно-блаженное выражение. – Присмотритесь и сами все поймете.

– Да мне как-то без разницы, – признался Данилов. – Хоть Марина, хоть Паша Машуровский, какое мне дело до чужих отношений?

– В любом случае держитесь от Марины подальше, – посоветовала Колосова. – Не будите в Тарасыче зверя. Мужики на излете – самые злобные.

– Не буду, – пообещал Данилов, и на том разговор закон-

чился.

Кафедральные сотрудники переодевались не в больничной раздевалке, а у себя в кабинетах, такая была у них привилегия. Кафедра не отделение, больные здесь не лежат, сюда можно и в верхней одежде зайти.

Когда Данилов, заканчивая переодеваться, достал из шкафа свою куртку, то почувствовал не слишком резкий, но довольно ощутимый запах женских духов. Приторный такой запах, густой. Сначала Данилов подумал, что у Колосовой протек или разбился флакон с парфюмом, но, приняв себя, понял, что пахнет его куртка. Да и Колосова вроде не душилась ничем, во всяком случае, Данилов с его развитым обонянием подобных запахов от нее ни разу не чувствовал. Колосова вообще не пользовалась духами или туалетной водой, видимо, ее плющило не только от запаха краски. Откуда же тогда пахнет духами? Странно, очень странно...

Загадка заинтриговала. Данилов положил куртку на стол и обследовал шкаф на предмет обнаружения источника запаха, но ничего не нашел. Сев за стол, Данилов обшарил карманы куртки, но там было только то, что он сам туда положил: бумажник, единый проездной, расческа, начатая упаковка бумажных носовых платков, два мятных леденца, около пятидесяти рублей мелочью в правом наружном кармане. Мелочь Данилов привык держать под рукой, чтобы не доставать бумажник в маршрутке. Сейчас на маршрутках не ездил – до метро ходил пешком, но старая привычка оста-

лась. Да и вообще удобно, когда мелочь под рукой. От нечего делать ею можно побренчать в кармане, это успокаивает. А некоторые еще утверждают, что звон монет приманивает деньги. Тогда бы кассиры были бы самыми богатыми людьми, ведь они целыми днями звенят монетами. Или водители маршруток.

Данилов снова обнюхал куртку снаружи и с изнанки, думая при этом, что дверь все-таки стоило бы закрыть, ведь застанет кто за таким занятием, вообразит незнамо что, — шизофреником сочтут. Или скажут, что новый старший лаборант с понтами: сыпет кокаиновые дорожки не на стол, а на куртку, так ему вкуснее, наверное. Подумал, а встать и закрыть дверь поленился.

Пахло где-то в области левого плеча, спереди. Недолгие размышления привели к единственному правдоподобному объяснению: вероятнее всего, сегодня утром в метро Данилов соприкоснулся с какой-то дамой (как вариант — юной девой или пожилой леди), как следует надушившейся перед выходом из дома. Вот и подцепил запах, а в утренней спешке его не учуял.

Как только явлению найдено подходящее объяснение, интерес к нему тотчас же пропадает. По дороге домой Данилов читал новый детектив Александры Карениной. Каренина сменила главную героиню-сыщицу на врача-патологоанатома. Верное решение, грамотное. Наверное, никто из врачей не способен расследовать преступление лучше патолого-

анатомов, которым постоянно приходится реконструировать и оценивать ход событий, имея в своем распоряжении труп и историю болезни. Реконструировать, потому что хороший патологоанатом не слепо верит тому, что написано в истории болезни, а на основании исследования трупа, опираясь на свой опыт, знания и интуицию, в конце концов, воссоздает картину произошедшего – чем болел покойник, правильно ли его лечили, и так далее...

Глава третья

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, БЕСТОЛКОВОЕ

– Ужас! В Серпухове главный врач поликлиники убил начальника управления здравоохранения – своего друга и однокурсника, между прочим!

Главные врачи поликлиник не часто убивают начальников управлений здравоохранения, поэтому новость вызвала всеобщий интерес. Короткевич выдержала небольшую паузу, давая возможность любопытству разжечься посильнее, и начала рассказ:

– Убийца и его жертва частенько «общались», то есть пили вместе. То у одного в кабинете, то у другого. В день убийства пили у главного врача. По ходу поругались, да так крепко, что начальник управления пообещал другу снять его с должности и ушел. Но далеко уйти ему не дали. Главный врач позвонил охраннику, сидевшему у входа, и велел не выпускать начальника управления из здания поликлиники. Тот так и сделал. Затем главврач с помощью водителя поликлинической машины затащил в эту машину не вяжущего лыка начальника управления. Они отвезли его в личный гараж главврача и там повесили на железной балке под крышей... Затем сняли мертвого, завернули в брезент, обвязали верев-

ками, привязали груз – старую батарею отопления, отвезли за город и утопили в Оке...

– Гангстеры! – выдохнула впечатлительная Колосова.

– Не то слово, Лен, – ответила Короткевич, – но водитель через неделю раскаялся и сам тоже повесился, а перед смертью написал письмо в полицию, где рассказал, как все было, и довольно точно указал место, в котором они утопили тело. Тело нашли, главного врача арестовали, теперь он ждет суда.

– Дома или в камере? – спросил Алымов.

– В камере, конечно, кто же дома убийц оставляет?

– Главный врач убил начальника управления! – Скибкарь покачал головой. – Поверить не могу. Это ж как надо напиться!

– Если очень сильно наклюкаться, то ничего не получится, – возразил Данилов. – Не задержать, не в машину втолкнуть и тем более не повесить. Для такого дела нужны не только руки, но и голова.

– А вы не расцениваете это как одну из форм борьбы с чиновничьим произволом? – пошутил Сааков.

Никто не засмеялся, а Короткевич выразительно повертела у виска указательным пальцем, думай, мол, что говоришь.

– Это я так... – смутился незадачливый шутник. – Извините...

– А у нас в Марьино главный врач стоматологической поликлиники жену убил, – сказала Байда. – Причем не во время ссоры, под аффектом, а умышленно. Инсценировал ее

отъезд в Сочи, якобы она решила отпуск на море провести, а на самом деле задушил и где-то в Ступинском районе в лесу зарыть пытался, но его за этим делом застукали. Двенадцать лет дали...

– А я читала, как где-то в Тверской области главный врач больницы банду вымогателей возглавлял, – вспомнила Пискунова.

– Вас слушаешь, так начнешь думать, что главный врач – самая, что ни на есть, криминальная профессия, – сказал Данилов. – Главные врачи тоже люди, и никакие людские пороки с недостатками им не чужды. Я, кстати, слышал другую версию о серпуховском убийстве...

Версию рассказала Елена, которую регулярно развлекали свежими новостями коллеги. На «Скорой помощи», если кто не в курсе, знают все обо всем. Такая уж там специфика.

– ...Причиной ссоры стали казенные деньги, которые начальник управления украл при помощи дружка-главврача. Начальник прибрал всю сумму к рукам и не спешил делиться, а деньги, по слухам, были нехилые. Якобы около двадцати миллионов.

– Долларов? – уточнил Сааков.

– Рублей, – Данилов улыбнулся и взглянул на часы, – тоже ведь деньги. Извините, мне пора на занятие...

– Как тебе нынешние студенты? – поинтересовалась вечером того же дня Елена.

– Странные они какие-то, – признался Данилов. – Или

просто я уже постарел и смотрю на жизнь иначе.

– Данилов, не хаами! – Елена нахмурилась и погрозила Данилову пальцем. – Что значит постарел? Я что – старуха?

– Так я ж говорю о себе! – удивился Данилов.

– Но мы же с тобой сверстники!

– Тогда прошу прощения... – Данилов на секунду призадумался и выдал новый, отредактированный вариант. – Возможно, что накопленный жизненный опыт вынуждает меня по-иному смотреть на жизнь.

– Вот так звучит гораздо лучше, – одобрила Елена. – Так что там со студентами? У них другой жаргон? Они слушают иную музыку? Что тебе кажется странным?

– Да все! – Данилов уже пожалел, что не ответил на первый вопрос словом-выручалочкой нормально. – Племя младое... Бестолковое.

– Так, значит... Учиться не хотят?

– Нет. Причем странно как-то выходит. Насколько я помню, мы не всегда уделяли должное внимание фундаментальным дисциплинам, поскольку не понимали их пользы и необходимости, но клиническими предметами не пренебрегали. Ясно же было, что все пригодится, вне зависимости от выбранной в итоге специальности, начиная с офтальмологии и заканчивая детскими инфекциями. Я верно говорю?

– Да.

– Я сам на четвертом курсе гистологию с биохимией подтягивал, ликвидировал пробелы... Ну, не обо мне речь. А

нынешние третьекурсники сознательнее пятикурсников, во всяком случае, у меня сложилось такое мнение. Третьему курсу все интересно, пятому – все параллельно и фиолетово. Можно, конечно, сказать, что это мне группы такие попались, но я же еще и на обходах бываю и вижу, кто как себя ведет. Кто интересуется, задает вопросы, а кто-то – в потолок глядит, на часы – сколько до конца осталось? У старшекурсников интерес проявляется только в виде фотографирования на мобильники чего ни попадя. Для блогов. Без блога сейчас как-то несовременно, немодно. Короче говоря, и на обходах тот же самый расклад. Третьекурсники интересуются, активно участвуют, а пятые и шестые курсы – нет. На вопрос: «Вам что, неинтересно?» – без стеснения могут ответить утвердительно и добавить: «Это нам не надо, мы все равно лечить никого не собираемся»...

– А что они собираются делать? – Елена построила брови домиком, что выражало крайнюю степень удивления. – Сразу же руководить?

– Торговать. Подавляющее большинство намерено стать медицинскими представителями и консультантами – продавать лекарства и оборудование. Практики, – Данилов произнес это слово с сарказмом, – собираются стать косметологами. Пара-тройка студенток намерены поступать в ординатуру по акушерству и гинекологии. Они, кстати, толковые, учатся, интересуются.

– Закономерно! – хмыкнула Елена. – Им же всю жизнь с

анестезиологами бок о бок работать. А что ты имеешь против косметологии?

– Против нее я ничего не имею, – искренне ответил Данилов. – Я просто не понимаю, как без пяти минут врач может рассуждать примерно по такой схеме: «Если я хочу стать косметологом, то кроме сертификата и умения работать на нескольких аппаратах мне больше ничего не надо». Когда я сказал, что косметологам надо разбираться и в кожных болезнях, и в аллергологии с иммунологией, и в терапии, и в эндокринологии, не говоря уж о физиотерапии, на меня посмотрели, как на идиота. Честное слово, если бы я снял штаны и прошелся бы на руках по кабинету, удивления было бы меньше! Согласно этой логике всякий, кто умеет включать наркозно-дыхательный аппарат, может считать себя анестезиологом! «Ёклмн» и еще «прцт» в придачу!

Данилову, несмотря на то что тяги к сквернословию он никогда не испытывал, хотелось выразиться более экспрессивно. Абсурдность ситуации вкупе с сознанием собственного бессилия не может не нервировать. Даже если кажется, что ты уже все повидал и ко всему привык.

Третий курс тоже озадачивал, правда далеко не в такой степени, как пятый. Во время занятия по теме «Регионарная анестезия»¹⁰ одна из студенток, Шильдикова, для третьекурсницы довольно немолодая (на вид ей было около трид-

---

¹⁰ При регионарной анестезии происходит не общее, а частичное выключение чувствительности пациента – в какой-либо части тела.

цати), задала с места обескураживающий вопрос:

– Скажите, Владимир Александрович, когда же наконец запретят эпидуральную анестезию?¹¹

Требовать, чтобы спрашивающие или отвечающие студенты непременно вставали, Данилову и в голову не приходило. Не кадетский корпус, чай.

– Запретят?! – Данилову показалось, что он ослышался.

– Да! – подтвердила Шильдикова.

– А почему ее должны запретить? – удивился Данилов. – Что в ней такого?

– А то вы не знаете? – Шильдикова растянула тонкие губы в улыбке, которая явно должна была стать саркастической, но вышла просто кривой, и красоты плосколицей Шильдиковой не добавила. – Сотрудник кафедры, и не знаете?

– Сотрудник кафедры всего знать не обязан, – сухо ответил Данилов, еще не до конца свикшийся со своим новым амплуа. – Если вам есть что сказать – говорите, если нечего, я продолжу...

По лицам студентов пробежали улыбки. Скромные такие и почти незаметные. Кто-то с кем-то переглянулся, кто-то кому-то подмигнул.

– Сказать мне есть чего, очень даже есть, – Шильдикова закатила глаза и взяла разгон. – Всем известно, что вторже-

---

¹¹ Эпидуральная («перидуральная») анестезия – один из методов регионарной анестезии, при котором лекарственные препараты вводятся в пространство между твердой оболочкой спинного мозга и надкостницей позвонков через катетер.

ние в эпидуральное пространство прерывает цепочку энергетического обмена, и человек больше не в состоянии подпитываться из мирового океана...

Улыбки на лицах студентов стали заметными – от уха и до уха. Мелькнул оттопыренный кверху большой палец – здорово, мол, излагает Шильдикова.

– Спасибо, – перебил Данилов. – Было очень смешно. А теперь я, с вашего позволения...

– Вот видите! – Шильдикова картинно всплеснула руками и, словно в поисках поддержки и понимания, оглянулась на своих одноклассников (сидела она в первом ряду). – Я еще толком ничего сказать не успела, а вы не хотите слушать! Зачем же тогда спрашивали?

– Простите, – спокойно, без ерничанья, сказал Данилов. – Больше не буду спрашивать. Давайте про...

– У невежества есть два пути – отрицание и отторжение! – возвестила Шильдикова и умолкла, оскорбленная, но не униженная.

Молчание ее было многозначительным, побуждающим сказать что-то в ответ. Да и вообще, как-то надо было отреагировать, дать свою оценку, расставить точки над «i». Во всяком случае, так считал Данилов.

– Мне как преподавателю медицинского вуза, – начал он, – немного странно слышать от студентки третьего курса о том, что, вводя иглу в эпидуральное пространство, мы прерываем какую-то цепочку энергетического обмена...

– Может, вам и про чакры слышать странно? – перебила Шильдикова.

– Во время занятия – да.

– А после? – не сдавалась Шильдикова.

– А потом мне неинтересно, – честно признался Данилов. – Скажите, Александра, а как вы совмещаете подобное... мировоззрение с учебой в медицинском вузе? И почему? Если, конечно, это не секрет.

– Не тайна – мне надо получить диплом врача, чтобы иметь возможность лечить людей, чтобы я могла практиковать. Я же не виновата, что у нас такие дурацкие законы, которые не разрешают человеку без врачебного диплома заниматься лечением! Вот я и вынуждена учиться здесь, потому что другого выбора у меня просто нет...

Одна из студенток за спиной Шильдиковой покрутила пальцем у виска.

– А эпидуральная пункция наносит организму непоправимый вред, и ни один по-настоящему грамотный врач ее делать не станет, – вернулась к истокам Шильдикова. – Так же, как и плевральную пункцию!

– Плевральная-то чем вам не угодила, Александра?

– Легкие – это насос, который качает энергию из внешнего космоса. Вторгаться в плевральную полость недопустимо, еще и металлическим предметом!

– Предлагаете костяные иглы? – усмехнулся Данилов.

– Предлагаю медитацию. Это единственно верный путь

к решению проблем со здоровьем. Один-два сеанса, и жидкость в плевральной полости рассосется сама собой. И не только она, опухоли с метастазами рассасываются...

Данилов напряг память, пытаясь вспомнить, проходил ли он психиатра для получения формы ноль – восемьдесят шесть, необходимой для поступления в вузы. Кажется, не проходил. Впрочем, что даст общение на бегу? Садитесь... Жалобы есть?.. Нет?.. Следующий!..

В ходе десятиминутной полемики Данилов узнал, что в официально признанной медицине есть только одна область, которая имеет право на существование, поскольку приносит пациентам пользу – десмургия.¹² Все остальное – только врачам (материальную пользу). Попутно Данилов узнал, что Шильдикова – круглая отличница.

– Я учусь как следует не потому, что мне это надо, – гордо сказала она, вскинув вверх бесформенный подбородок, – а для того, чтобы не дать возможность кому-то меня отчислить. Я не скрываю своих взглядов, и поэтому у меня много недоброжелателей. Но ничего, еще четыре года я как-нибудь вытерплю...

– Пять, – машинально поправил Данилов. – Вы про интернатуру забыли. Только, боюсь, что в ваши расчеты вкралась одна роковая ошибка...

– Какая же? – ехидно поинтересовалась Шильдикова. – То, что про интернатуру забыла? Так вы напомнили.

---

¹² **Десмургия** – учение о наложении повязок.

– Я не об этом, а о том, что даже с дипломом врача на руках нельзя лечить людей так, как вздумается. Врач обязан следовать официальным канонам, он не может лечить так, как ему заблагорассудится. Анестезиолог, который вместо наркоза начнет танцевать вокруг пациента с бубном в руках или предложит ему помедитировать, потеряет и работу, и сертификат, и диплом. Учтите, что, отступая от правил, можно быстро лишиться диплома, получение которого так дорого вам обходится.

– Не волнуйтесь, я диплома не лишусь! – с некоторым пафосом заявила Шильдикова. – Мне пациенты будут строчить благодарность за благодарностью...

«Так будут, что мозоли кровавые натрут», – съехидничал про себя Данилов.

– ...Пусть кто-то попробует меня лишить! Ха-ха!

Шильдикова рассмеялась деланно, а остальные студенты заржали искренне, от души. Только через несколько минут Данилову удалось снова овладеть их вниманием. Александра не обиделась, видимо привыкла уже. Пропаганду больше не вела: сидела, слушала, делала какие-то пометки в тетради. Примерная студентка, ожидающая потока благодарностей. Прикол и немножко страшно – вдруг залечит кого до полного закрытия чакр и прекращения жизнедеятельности.

Мажоритарная двенадцатая группа, не имеющая понятия об ацидозе, алкалозе и много еще о чем, оказалась не самой проблемной группой пятого курса. После разговора с Куле-

шовым Данилов решил слегка изменить тактику и поведение на занятиях. Поэтому, когда ему снова добровольно-принудительно подкинули пятикурсников, хотел просто провести занятие, не более того. Но снова вышел облом – нисколько не стесняясь Данилова, пятикурсники начали оживленно спорить о том, где выгоднее работать – в государственной медицине или в коммерческой. Какая, казалось бы, связь между темой спора и темой занятия – «Интенсивная терапия сердечно-сосудистой недостаточности»?

– Государственное здравоохранение – полный бесперспективняк! Че там ловить? Денег нормальных, оборудования нормального и лекарств нет...

– Мой двоюродный брат приехал в Москву восемь лет назад, устроился в частную клинику, недавно квартиру трехкомнатную на Тверской купил...

– Василий, не завирайся! Одноушку в Мытищах, еще куда бы ни шло, а ты – трёшку на Тверской придумал! В частных клиниках, если хочешь знать, тоже не сахар... И дерут там с сотрудников по семь шкур. Наш сосед делает УЗИ в Скандинавском медицинском центре. Живет скромно, ездит на «Нексии»...

– Это не показатель! Может, он в карты все деньги проигрывает или три семьи содержит!

– А может, просто умен и не желает светиться. Это только дураки живут напоказ. Ты же судишь чисто по внешним признакам.

– Ладно, оставим соседа в покое. Но все равно, в коммерческой медицине лучше.

– Не скажи. Там большие нагрузки, зверский гнет и не такие уж большие доходы. В государственной медицине можно жить гораздо спокойнее, а зарабатывать гораздо больше. И не платить налогов.

– И каждый раз трястись, когда тебе суют деньги.

– От вождения?

– От страха! А ну, как войдут сейчас и оформят. А потом суд.

– Прямо-таки всех и оформляют!

– Давайте цифры сравним, и все станет ясно. В семьдесят седьмой сколько стоит наркоз?

Вопрос был задан как бы всем, но предназначался Данилову. Во всяком случае, группа умолкла и выжидательно уставилась на него.

– Я не в курсе, – ответил Данилов.

В глазах студентов мелькнуло понимание – кто ж тебе так, на людях, пусть даже и при своих будущих коллегах, выложит всю правду?

– Ну, вы хотя бы намекните, – попросила одна из студенток, голубоглазая куколка с пухлыми губами. – Примерно... В среднем.

– Я действительно не в курсе и даже не уверен, что существует установленная такса, – ответил Данилов. – Также я не думаю, что все пациенты платят за наркоз.

– А если опереться на личный опыт? – спросил-посоветовал остролицый блондин с нагловатым взглядом.

– Я никогда не брал денег с пациентов, – ответил Данилов, – поэтому это вряд ли сможет помочь.

– Так уж и никогда? – усомнился блондин. – Ни разу?

– А что в этом удивительного? – поинтересовался Данилов. – Вы что, господа, действительно считаете, что все берут и всем дают?

– Не совсем, – качнул головой остролицый, – те, кому не дают, брать не могут. Поэтому берут только те, кому дают...

– Не все, кому дают, берут, – возразил Данилов. – Есть такие, кто отказывается.

– По двум причинам, – снисходительно пояснил остролицый. – Или подставы боятся, или цену себе набивают, чтобы больше дали.

Народ вместе с Даниловым учился разный, и любителей левых денег и всяких заработков, скромно именуемых побочными, среди них хватало. Но чтобы так открыто заявлять об этом, обсуждать во время занятия, поинтересоваться у преподавателя неофициальными ставками... «Хреновый из меня препод», – самокритично подумал Данилов. У его покойной матери на уроках была идеальная дисциплина – тишина и прочая благодать. На вопросы сына и коллег о том, как ей это удастся, мать скромно отвечала: «Само собой получается. Наверное, врожденное качество». Но оно Данилову не передалось по наследству. Иначе бы не отклонялись то

и дело студенты от темы на его занятиях.

– А ты думаешь, что в обычных больницах все полученное остается в карманах? Черта с два! Надо делиться, иначе на твои шалости никто не станет закрывать глаза! Врачи ежемесячно платят заведующему, тот носит главному врачу...

– А сколько полагается отдавать наверх? Какой процент? Все снова уставились на Данилова.

– Судя по тому, как оживленно вы беседуете на посторонние темы, интенсивная терапия сердечно-сосудистой недостаточности знакома вам хорошо, – сказал Данилов. – Поэтому я хотел бы сразу перейти к основным ошибкам, которые допускаются при этом. Начнем с отека легких...

Худо-бедно, но занятие удалось довести до конца без срывов и отклонений. Остролицый блондин задержался после окончания. Оставшись с глазу на глаз с преподавателем, он немного помялся (Данилову даже показалось, что студент решил извиниться за свое не совсем уместное поведение) и спросил:

– А скажите, пожалуйста, чисто между нами, как коллега коллеге...

«Как коллега коллеге – это мощно!» – восхитился Данилов, но вслух ничего не сказал.

– Есть сейчас конкретный смысл идти в анестезиологи? Или все же выгоднее в хирурги? Я слегка затрудняюсь с выбором, поэтому пытаюсь собрать максимум информации из первых рук.

Все это было сказано таким тоном, словно студент делал Данилову одолжение.

– Если затрудняетесь с выбором, то рекомендую пойти в патологоанатомы, – серьезно, без тени улыбки, ответил Данилов и, не увидев понимания в бесцветных глазах собеседника, пояснил: – Спокойная работа, хороший опыт, есть время для размышлений, будете иметь дело со всеми отделениями – существенно расширите кругозор...

Черты лица блондина заострились еще сильнее.

– Спасибо за совет, – буркнул он и вышел, позабыв закрыть за собой дверь.

Или не забыл, а выразил таким образом свое: «Фу!» Хлопнуть дверью на кафедре – это уже чересчур, особенно для студента, которому в этом году предстоит сдавать зачет, а в будущем – государственный экзамен. Экзамен не самостоятельный, потому что вопросы по анестезиологии и реанимации включены в курс экзамена по хирургии, но тем хуже для студентов, ведь предвзятое отношение кафедры анестезиологии и реанимации грозит обернуться несдачей такого ответственного экзамена. А оставить дверь открытой – в какой-то мере выказать свое негативное отношение, но не в столь грубой форме. В случае чего незакрытую дверь можно представить как следствие забывчивости, а с громким хлопанием подобные фокусы не пройдут.

Накопившиеся впечатления рвались наружу, хотелось с кем-нибудь поделиться. Точнее, не с кем-нибудь, случайные

попутчики в метро для такого дела не годились, а с кем-то из коллег. Данилов поделился с ассистентом Скибкарем, человеком, сотканным из противоречий, что бросалось в глаза сразу же: чисто чеховская бородка сочеталась у Скибкаря с очками в массивной квадратной роговой оправе, хотя по идее полагалось если не пенсне, то нечто тонкое, круглое и невесомое; еще более резкий диссонанс вносил массивный серебряный перстень черепом (перстень был грубой работы, из тех, которые принято полушутя-полупренебрежительно называть «гайками»). Скибкарь утверждал, что перстень, от которого за версту несло новоделом, является семейным талисманом и, под настроение, мог рассказать довольно складную выдумку о том, как кто-то из его предков спасся от неминуемой беды или вышел целым и невредимым из какой-нибудь опасной передряги благодаря данной реликвии. Самого Скибкаря перстень еще ни разу не спас, возможно, потому, что он еще ни разу не попадал в переплеты с передрягами.

– Открыл велосипед! – усмехнулся Скибкарь. – Мы уже не первый год готовим медицинских представителей! Прикинь, сколько врачей ежегодно выпускают четыре московских заведения и сравни их число с количеством молодых врачей хотя бы в нашей больнице!

– Это будет не совсем корректно, – ответил Данилов, – и ведь наша больница – скорпомощная городская. Сюда никогда очереди из врачей не стояли, вряд ли молодежь захо-

чет...

– Вот сразу ясно, что родители у тебя не врачи, – перебил Скибкарь. – Верно?

– Да, – подтвердил Данилов. – Основателем династии надеюсь стать я. А какая связь?

– Такая, что в восьмидесятые годы, да и в самом начале девяностых тоже, в московские больницы действительно стояли очереди из врачей. Люди ждали, пока освободится место. Моя матушка два года кантовалась эндокринологом в районной поликлинике, пока ее не взяли ординатором¹³ в шестьдесят третью больницу. А некоторые, особенно урологи, куда дольше мыкались – пристроиться не могли. И это при наличии связей, как тогда говорили, блата и клинической ординатуры по специальности. Без блата и ординатуры можно было устроиться на «Скорую» и в окраинные поликлиники... А сейчас все больницы выезжают за счет понаехавших сотрудников, потому что притока молодых врачей давно уже нет. Лет десять уже. Ты на аспирантов с клиническими ординаторами не смотри. Аспирант далеко не всегда работает по специальности. На многих фирмах ценится наличие ученой степени у сотрудника, это как-то внушает доверие... Возьми, к примеру, Машуровского – он и не скрывает, что кандидатская степень нужна ему для резюме.

---

¹³ **Ординатор** – врач, ведущий палаты в отделении. Не следует путать с клиническим ординатором – врачом, проходящим двухгодичное обучение в клинической ординатуре.

– Зачем тогда идти в АИР? – удивился Данилов. – У нас же сложная специальность. В терапии работать проще...

– Но защититься гораздо труднее. Даже в «четвертом меде», где под видом диссертации можно протащить студенческую работу, написанную для кружка...

В прошлом году Скибкарь надеялся получить место доцента на кафедре анестезиологии и реаниматологии медицинского факультета Университета дружбы народов. Династические связи давали ему определенную надежду, но в итоге доцентом стал кто-то другой. Скибкарь обиделся не только на не принявшую его кафедру, но и на весь университет. Иронично называл его «четвертым медом» и всячески критиковал. Критика далеко не всегда была объективной. Разве же можно требовать объективности от отвергнутого? Вряд ли.

– ...А у нас с этим делом все в порядке, тем хватает с избытком, отношение довольно либеральное. Разумеется, в той же фтизиатрии защититься еще проще, там не только кадровый голод, но и аспирантский, с каждым цацкаются, как с родным племянником. Но там – туберкулез, контингент специфический... Слушай, я давно хотел спросить, ты реально врачом на зоне работал или врут?

«Далась им всем эта зона! – раздосадованно подумал Данилов. – На то, что я в роддоме анестезиологом работал, никто внимания не обратил...»

– Да.

– Ух ты! – восхитился Скибкарь. – Прямо на настоящей зоне?

– А что, разве бывают поддельные? – удивился Данилов. – Вот уж не знал... Или это так санатории принято называть?

– Давай не будем цепляться к словам! Лучше расскажи как-нибудь про зону! У меня ни одного лагерного врача никогда в знакомых не было, ты первый...

– Я тронут... – съехидничал Данилов. – Только рассказчик из меня хреновый, но ты не отчаивайся, по выходе на пенсию я планирую написать мемуары. Один экземпляр непременно подарю тебе. С надписью, как положено.

– Не хочешь – не надо, – обиделся Скибкарь. – Я же не для сплетен спрашиваю, а просто интересуюсь. Это же такой своеобразный опыт...

– Тогда ладно, – уступил Данилов. – Там все, как здесь, только обыскивают каждый день на входе и на выходе, атмосфера тоскливая и избыток заборов с решетками. Вот и все отличия. И вообще, этим опытом лучше не интересоваться, не будить лихо. Высшие силы могут решить, что тебе очень нужен такой опыт...

– Типун тебе на язык, добрый человек! – Скибкарь совершил ритуал, отвращающий сглаз – поплевал через плечо и постучал по дереву. – Ничего мне не нужно, кроме чашки крепкого кофе! А потом – домой и смотреть «Анатомию Грэй». Не смотри на меня так, пожалуйста! Весьма качественный и очень душевный сериал.

Глава четвертая

РОМАНТИЧЕСКИЙ СЮРПРИЗ

Во второй половине рабочего дня к Колосовой заходили на чаек сотрудники, чаще всего доцент Короткевич и ассистент Скибкарь. Чуть реже заглядывал аспирант Липанов, который старался как можно быстрее сделать дела и свалить домой или еще куда. Липанов был очень занятым человеком, чем он занимался, кроме учебы в аспирантуре и подготовке к защите диссертации, не ведал никто, но о том, что ему катастрофически не хватает времени, знали все.

Во время чаепития обсуждали новости столичной медицины: кого повысили, кого сняли, кто чем отличился. Сегодня Колосова вспомнила одного из приятелей своего отца, недавно ушедшего на пенсию с должности главного врача четвертой городской больницы.

– До недавних пор Агабабян заведовал отделением переливания крови в НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии, – рассказывала она, – он там проработал около двадцати лет, пятнадцать из которых заведовал отделением. Заведовал себе, заведовал, и вдруг его снимают! Да как! Со скандалом, как не справившегося с руководством. Развалил, короче, отделение. Что же это такое получается – столько лет справлялся и вдруг не справился? Много лет работал, бла-

годарности получал и вдруг развалил? Все сотрудники были в шоке и недоумении до тех пор, пока не узнали истинную причину от директорской секретарши, которая крутила роман с одним из врачей-трансфузиологов¹⁴. Причина оказалась сугубо экономической...

– Заносить перестал? – понимающе ухмыльнулся Липанов.

– Хуже – бизнес обломал. Институт по жизни закупал кровь и препараты крови на стороне, соответственно, директор получал за это откаты. Против традиций не попрешь. А Агабабяну года два назад вдруг захотелось развивать свое отделение. Возможно, что мужик, достигнув пенсионного возраста, просто хотел доказать, что он еще о-го-го какой руководитель, много пользы родному институту может принести. Положение работающего пенсионера ведь такое, надо постоянно подтверждать и доказывать свою состоятельность. Даже при том, что большинство руководителей в институте – пенсионеры.

Короче говоря, начал Агабабян неплохо, даже, можно сказать, хорошо – уже через полтора года (а для любого уважающего себя научного института полтора года не срок, там все вопросы очень долго решаются) институт перестал закупать кровь. Мало того – начали продавать свою. А продажа не покупка, с нее положено платить откаты, а не получать.

---

¹⁴ **Трансфузиология** – раздел медицины, изучающий вопросы, связанные с переливанием крови или отдельных ее компонентов.

Дальше продолжать или и так всем ясно?

Колосова обвела взглядом слушателей.

– Одно не ясно, – сказал Скибкаръ. – Если собственное производство крови било директора по карману, то зачем он его разрешил? Вряд ли там что-то делалось без высочайшей санкции.

– Ну, не все же можно делать так, как хочется, – ответила Колосова. – Идея правильная, полезная, отвергнешь ее или начнешь тормозить, сам подставишься. У любого начальника куча недоброжелателей, а уж у директора НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии вообще легион! Только и ждут небось, чтобы он где-то как-то прокололся. Вот и пришлось согласиться. А в глубине души зло затаил и в нужный момент ударил.

– Два года ждал! – вставил Липанов.

– Гнать с работы, Эдик, тоже надо с умом. Так, чтобы наверняка и самому не подставиться. Помнишь, как в прошлом году наш ректор пытался избавиться от завкафедрой гистологии? Не смог же, до сих пор, наверное, локти кусает.

– Константин Антонович от своего не отступится, – уверенно сказал Липанов, – раз решил – обязательно съест! С ним шутки плохи. А что они с Андриевским не поделили, Катерина Михална?

– Говорят, что женщину, – Колосова загадочно улыбнулась и томно повела ресницами. – А кого именно, не спрашивайте, все равно не скажу.

— Даже под пытками? — Липанов хищно, во все зубы, оскалится, что означало улыбку.

— Даже за деньги, — ответила Колосова. — Ты, Эдик, смотри, если хочешь жить спокойно, никогда не наставляй рогов начальству. Это сильно осложняет жизнь...

Липанов, не сразу поступивший в институт и пришедший в аспирантуру после трехгодичной работы, был одних лет с Колосовой. Держался он с Екатериной Михайловной западнибрата, но при всем том обращался к ней по имени-отчеству и на «вы», а она звала его по имени и тыкала. Иерархические издержки.

Данилов не столько слушал сплетни, сколько думал о своем.

Вслед за загадочной Любой, которая ждала его завтра и имела срочную тему для разговора, Данилову прислали эс-эмэски Ирина, Наташа, Ксана и еще три женщины, пожелавшие остаться анонимными.

Ирина называла Данилова «Вовочкой» и скучала по его поцелуям.

Наташа сообщала, что завтра встретиться не сможет, потому что вернулся муж.

Ксана просила встретить ее на вокзале.

Первая из анонимных корреспонденток написала какую-то сиропно-мармеладную похотливую ересь про нежные губки, розовые местечки, сладкие дырочки и тому подобное.

Вторая прислала послание гневное, изобилующее во-

просительными и восклицательными знаками: «Как ты мог??????? Ненавижу!!!!!!! Знать тебя больше не хочу!!!!!!! Тварь!!!!!!!!!!!!!»

Третья поделилась радостью: «Ура! Я беременна!»

Все сообщения приходили по вечерам, между восемью и девятью часами.

Номер мобильного телефона Данилов не менял довольно давно, поэтому версия насчет того, что сообщения предназначались прежнему владельцу, какому-нибудь современному Казанове, сразу отпала.

Чья-то шутка? Да вроде бы некому так шутить. И все номера телефонов разные. Масштабная такая шуточка...

На всякий случай Данилов позвонил другу Полянскому и после обмена приветствиями взял быка за рога:

– Я тебя вычислил, – сказал он, – можешь больше не слать дурацких сообщений.

Полянский удивился настолько искренне, что его удивление чувствовалось и по телефону.

– Я?! Сообщений? Каких?

Данилов рассказал.

– Да это просто кто-то из мужиков, твой тезка, с похожим на твой номером телефона, недавно зарегистрировался на каком-нибудь сайте знакомств и начал активно общаться, – предположил Полянский. – Некоторые ошибаются и шлют сообщения тебе. Повторно же никто не пишет, так ведь?

– Да.

– Вот видишь!

– Ты говоришь – недавно, а одна написала, что она беременна...

– Не занудствуй! Она же не написала, что беременна от него, а просто сообщила. Типа – я теперь беременна, можно в меня или без резинки.

– Какой ты пошляк, Игорь, – подивился Данилов. – Может, женщина просто радостью поделилась.

– Да, – согласился Полянский, – поделилась. Некоторые женщины, да будет тебе известно, тоже не любят, когда с резинкой.

– Как твоя работа? – с нажимом спросил Данилов, давая понять, что пора сменить тему. – Все нормально?

– Да, только работать хочется все меньше и меньше, а денег – больше и больше...

Спустя два дня, в половине девятого вечера, когда Данилов приводил в порядок ванную после купания дочери, а именно вытирал пролившуюся на пол воду, на мобильный позвонили с неизвестного номера. Стоило Данилову ответить «да», как из трубки полилось визгливо-громкое:

– Вова! Зачем ты от меня прячешься?! Ты нашел себе другую любовницу, да?! А со мной все кончено, да?! Ты же столько раз говорил, что любишь меня, а сам... Вова, неужели ты меня больше не любишь?! А я тебя все равно люблю, люблю, люблю!

Судя по голосу, женщина была молодой.

– Вы не ошиблись номером? – вежливо поинтересовался Данилов.

– Как ты можешь! – собеседница укоризненно всхлипнула. – Я люблю тебя, не забывай! И я беременна! У нас будет ребенок! Ты слышишь?!

– В таком случае, вам лучше избегать лишних волнений и правильно набирать номер, – посоветовал Данилов. – Всего хорошего.

Он отключился, но это не помогло – спустя полминуты телефон зазвонил снова.

– Вова! Не смей бросать трубку! Вова! Я сейчас приеду! Я должна посмотреть тебе в глаза! – буйствовала незнакомка. – Я знаю, где ты живешь, и твоя жена мне не помеха! Я люблю...

«Приезжай!» – хотел сказать Данилов, но вовремя сдержался, представив себе, как где-то в Москве сидит на кухне Вова (такой крупный мужчина с волевым лицом), спокойно пьет чай или пиво и не ведает, какие тучи сгустились над ним. Нет, не мог Данилов подложить такую свинью (простите, таинственная и истеричная незнакомка) своему неведомому тезке, никак не мог. Поэтому он просто выключил телефон и вернулся в ванную.

Утром, незадолго до выхода из дома, Данилов включил телефон и получил сообщение о том, что вчера трижды с интервалом в две минуты и один раз часом позже до него пытался позвонить неизвестный абонент, явно та самая исте-

ричная незнакомка.

«Сменить, что ли, номер?» – подумал Данилов. Номер менять не хотелось – хлопотно. Во-первых, придется многих обзванивать, во-вторых, кто-то из старых знакомых может «потеряться». Хотелось надеяться на то, что поклонницы незнакомого тезки вскоре уймутся. Или хотя бы перестанут ошибаться при наборе номера. «Ошибаться?» – вдруг осенило Данилова. Ошибаться можно, когда отправляешь сообщение в первый раз и вводишь номер вручную. Если же у тебя роман с человеком, то его телефонные номера будут сохранены в памяти твоего телефона. Непременно, сто пудов! Возможно, в целях конспирации Вову переделают в Веру, чтобы не вызывать подозрений у ревнивого мужа, если тому вздумается просмотреть контакты жены, но номер сохранится. Тогда как же, интересно, ошибалась вчерашняя истеричка? Да еще несколько раз подряд? Как-то нелогично выходит: бездушные аппараты не ошибаются или так редко, что это можно не принимать во внимание...

Кто-то развлекается? Данилов убрал в сумку книгу и начал предаваться дедукции.

С шутниками было негусто – отсутствовали подходящие кандидатуры.

Не Полянский – это уже ясно. Он сразу бы раскололся.

Никита? Шуточки такие – в подростковом стиле, но тот никогда не был замечен ни в чем подобном. Внутренний кризис? Наложение появления еще одного ребенка в семье

на кризис нежного возраста? Как вариант допустить подобное можно. Однако Никита не выдал себя ни сном, как говорится, ни духом – не поинтересовался, не намекнул, вчера вечером, например, был дома, но не вылез из своей комнаты, когда Данилов разговаривал по телефону. Хотя, возможно, у парня хорошие конспиративные способности. Данилов пожалел о том, что у него нет знакомого детского психолога и решил проработать вопрос самостоятельно при помощи всезнающего Интернета. Явно же там описаны варианты реакций подростков на появление в семье еще одного ребенка. Главное – порыться, как следует, и найти хороший первоисточник, какое-нибудь толковое руководство по подростковой психологии.

Можно и к Полянскому обратиться, ведь его нынешняя пассия, кажется, психолог. Нет, увы, искусствовед или что-то в этом роде. Психологом была другая, давно уже получившая отставку. Полянский еще, помнится, жаловался, что он для нее не мужчина и не любовник, а подопытный кролик, объект для исследований. Бр-р-р! Жуткое дело! Данилов бы и дня не вытерпел при подобных раскладах, а Полянский, по своему обыкновению, месяца три продержался.

А если не Никита, то кто же? Данилов вспомнил о своем недолгом романе в Склифе. Ольга? Вряд ли это возможно. Чувства через столько времени уже не вспыхнут заново, да и были ли они? А о жажде мести с Ольгиной стороны никакой речи быть не может: ни сам роман, ни обстоятельства

его прекращения к отмщению не располагали. «Но это ты так думаешь, Вольдемар, – возразил самому себе Данилов. – У Ольги может быть иное мнение». Да, конечно, она могла создать в душе идеал, испытывать к нему определенные чувства, а когда оказалось, что между идеалом и реальным человеком, Владимиром Даниловым, нет ничего общего, затаить обиду на Данилова, на себя самих люди обижаются крайне редко. Обида могла зреть, расти, а созрев, потребовала от Ольги каких-то действий. По канонам индийского кино, честное слово! Или по Шекспиру. Как там у него: «Проснувшаяся месть влечет к делам»?¹⁵

«Нет, вряд ли это Ольга, – не столько решил, сколько постарался убедить себя Данилов. – Да и номер мобильного с тех пор, кажется, менялся... А трудно ли купить диск с базами операторов сотовой связи? Проще простого, было бы желание и триста рублей». Разумеется, Владимиров Александровичей Даниловых в Москве может оказаться несколько десятков, распространенная фамилия, да и имя-отчество не из редких, это вам не какой-нибудь Аристарх Модестович Лебединский-Поплевако, но, зная хотя бы примерно возраст, найти несложно. Потом все просто: обзванивай кандидатов и узнавай нужного по голосу. Дел на один вечер, а удовольствие потом можно растягивать надолго... Месть, как известно, относится к блюдам, которые подают холодными и едят медленно, не спеша, смакуя каждый кусочек.

---

¹⁵ Уильям Шекспир, «Гамлет, принц датский». Перевод М. Лозинского.

Данилов так увлекся дедукцией, что проехал «Таганскую» и спохватился только на «Китай-городе». Пришлось возвращаться на остановку назад. Расстраиваться не стал, наоборот, порадовался, что не уехал куда-нибудь на «Баррикадную». А что? Вполне бы мог. Тогда бы точно опоздал бы на работу. Не страшно, но неприятно. Данилов вообще не любил опаздывать, хотя и пунктуальностью никогда не кичился.

Кандидатуру кафедрального шутника ассистента Саакова Данилов отверг сразу. Не тот стиль, не те отношения, да и схлопотать за такие шуточки можно по полной программе.

Кто же тогда? Следствие, как это принято говорить, зашло в тупик ввиду отсутствия подходящих кандидатур. Данилов начал фантазировать.

Возможно, этот самый тезка совсем недавно сменил номер телефона и раздал тем подругам, с которыми собирался расставаться, неправильный номер, волею случая оказавшийся Даниловским. Изрядно у него, однако, подруг, ничего не скажешь. Впрочем, у некоторых бывает и больше. На одной подстанции с Даниловым какое-то время работал доктор Шестаков, так у того в гареме было несколько десятков женщин, в том числе и двое фельдшеров с подстанции. Одни звонили ему в диспетчерскую, другим звонил он с мобильного, подстанционные дамы устраивали ему и друг дружке сцены, некоторые приезжали на своих машинах встречать его после суток... Короче говоря, мужик пользовался нешуточ-

ным успехом у представительниц прекрасного пола. А внешне был неказист: лысоват, сутуловат, тощеват, нос перебитый. И говорил мало, то есть уболтать никого не мог. Загадка, феномен.

А что? Очень даже логично! Сменил номер, раздал, кому хотел, номер липовый и, можно сказать, обрубил концы. Правда, та, что звонила по телефону, угрожала приехать, но вполне могло оказаться, что адрес у нее тоже был ложным. Явится такая в какое-нибудь благопристойное семейство и начнет с порога, не разобравшись, скандалить, вот уж будет комедия так комедия. А если бы ложный номер оказался не Даниловским, а принадлежал бы обладателю ревливой жены, следящей за каждым шагом своего благоверного? Тогда бы после третьей эсэмэски мог случиться катарсис, плавно переходящий в Армагеддон. Ревливым и повода не требуется, им намек достаточно.

Данилов искренне порадовался тому, что его жена здоровая на голову и избыточной ревностью не страдает. «Да вообще Ленка замечательная, – подумал он. – И дочку такую же родила».

От мыслей о семье на душе сразу же стало тепло и приятно. Заниматься дедукцией больше не тянуло – вариант со сменой номера и раздачей ложного смотрелся вполне жизнеспособным. Пора было настраиваться на работу – поезд тормозил на станции «Новогиреево».

День выдался суетным, и виной тому был заказ новой ме-

бели в учебные комнаты. Казалось бы, чего там сложного? Рассчитай сколько столов, сколько стульев и сколько шкафов, запиши и отправь. Но гладко все выходило на словах, на деле же постоянно возникали трудности. Главная была в том, что средства, отпущенные кафедре на обновление мебели, были довольно ограниченными, без возможности выхода за рамки. Данилов и Колосова два часа пытались скрестить ежа и ужа, заказать все, что нужно, и не превысить при этом лимита. Изгалялись и так, и эдак, но в итоге все же пришлось пожертвовать одним шкафом.

– Придурки мы, – сказала Колосова, подбив на калькуляторе итоговую сумму, – мыслим замшелыми стереотипами. На хрена в учебной комнате шкаф? Все нужное для занятий можно принести с собой и потом унести! Резон?

– Да! – согласился Данилов. – Можно вообще оставить старые шкафы.

– Старые шкафы уже забронированы, – Колосова подмигнула Данилову, намекая на то, что это носит неофициальный характер. – Два забирает Олег Тарасович, один – Владислав Петрович, один – Игорь Борисович.

Профессор Владислав Петрович Замятин, ученый секретарь кафедры, отвечавший за аспирантов, и доцент Игорь Борисович Паршин работали в части кафедры, базировавшейся на Нахимовском проспекте, в шестнадцатой городской клинической больнице. Данилов знал их в лицо, но не более того.

– А столы?

– Столы никому не нужны, – махнула рукой Колосова. – Их же на дачу не поставишь. Спишут их, наверное, или пристроят куда-нибудь...

Едва успели разобраться с мебелью, как пришла доцент Ряжская и начала выговаривать Колосовой насчет графика занятий.

– Зачем вы ставите мне группы, да еще сдвоенные, в дни лекций? – возмущалась она. – Вы же знаете, насколько меня утомляют занятия! Я же не провожу их формально, для галочки, я работаю с отдачей! Выкладываюсь вся и прихожу на лекцию выжатая как лимон. Сколько можно объяснять?

Колосова начала оправдываться, утверждать, что иначе никак не получалось, что она не придумывает расписание, а только перекраивает, стараясь всем угодить... Ряжская вздыхала-покручинилась, попросила на будущее быть повнимательнее к ее просьбам и ушла.

– Всем не угодишь, – прокомментировала Колосова. – Выкладывается она, как бы не так! Ах-ах, Раиса Ефимовна, кажется, перетрудилась! Небось по четвергам встречается с любовником, вот и не прочь прийти попозже.

– По средам, а не по четвергам, – поправил Данилов.

– Откуда такие сведения? – игриво поинтересовалась Колосова.

– Ниоткуда. Просто если по четвергам хочется прийти на работу попозже, то любовник явно был накануне, в среду...

После обеда Данилова дернули в отделение. В реанимации готовился помирать наркоман, обладатель скандально-высокопоставленных родственников. Заведующий отделением, страхуясь, срочно возжелал посмотреть его совместно с кем-то из кафедральных сотрудников. Олег Тарасович читал лекцию пятому курсу. Доценты, главная надежда и опора отделений, на сей раз не выручили – Кулешов отъехал в академию по каким-то делам, а Ряжская отказалась, сославшись на срочную занятость. Может, и не соврала. Скибкарь давал наркоз на какой-то чрезмерно затянувшейся операции, Короткевич ушла с работы вскоре после полудня, что-то там у нее стряслось, а у Саакова с заведующим отделением анестезиологии и реанимации были, мягко говоря, взаимные противоречия на фоне стойкой личной неприязни. Поэтому пришлось идти Данилову, хотя старшие лаборанты обычно совместных обходов с заведующими отделениями не делают. Но как шутил доктор Федулаев, с которым Данилов работал на «Скорой помощи»: «Ответственность – не водка, ею делиться приятно».

Наркоман был «хорош» (кавычки обязательны), даже слишком. Скелет, обтянутый изъязвленной желто-пергаментной кожей и подключенный к аппарату искусственной вентиляции легких. Однозначно не жилец.

– Как же я устал от ...удаков, – первым делом пожаловался заведующий отделением Журавлев. – Непонятно, куда глядела родня, пока он доходил до такого состояния. А

сейчас, видите ли, я, обратите внимание, «должен», и никак иначе, стабилизировать его и сделать транспортабельным, потому что папа с мамой хотят перевести сынулю в клинику Чуковского, где его берутся вылечить.

– Такого? – скептически уточнил Данилов, пальпируя живот пациента.

Врачу, конечно, положено всегда надеяться на лучшее, никогда не опускать рук, не отступать и не сдаваться. Это так. Но, увы, бывают ситуации, когда надежда на лучшее отсутствует напрочь, и верить в благоприятный исход может только идиот. Сейчас как раз был именно такой случай.

– Деньги-то им дадут независимо от результата, – заведующий посмотрел на монитор. – Сердечко-то частит.

– Да, – согласился Данилов. – Что он получает?

– Мне обещали срочно достать любой препарат, лишь бы он не «ушел», – сказал Журавлев.

– Так уж и любой, Анатолий Михайлович?

– Сказали, что да. Его дядька какой-то большой чин в мэрии, а мать – профессор Плехановки.

– Как же это его угораздило попасть к вам с таким семейным анамнезом?

– «Скорая» привезла. Валялся на Мартеновской в подъезде. Обычное дело.

Данилов кивнул. Действительно, если наркоману станет плохо в притоне, то «коллеги-наркомы» вынесут его в подъезд или на улицу и вызовут «Скорую». Так поступают для

того, чтобы не палить притон, о котором и так знают все — от участкового уполномоченного, по старинке называемого инспектором, до участкового терапевта. Секрет Полишинеля...

Обычный, в сущности, день закончился оригинально. Идя по территории к воротам, Данилов сунул руку в правый, главный, карман куртки, проверяя, на месте ли список покупок, который утром, перед выходом, вручила ему Елена. Его на месте не оказалось, поэтому Данилов проверил другие карманы и, вместо того что искал, наткнулся в левом нагрудном кармане на что-то матерчатое и вроде бы кружевное на ощупь. При рассмотрении это оказалось женскими кружевными трусиками-стрингами сногшибательного кислотного-розового цвета. Маленький треугольничек кружев с миниатюрным бантиком в стиле «кис-кис» и две тонюсенькие полоски ткани.

Рассматривать находку на ходу было не совсем правильно в больнице (как, впрочем, и в любом другом коллективе, только дай повод для сплетен). Данилов быстро сунул трусики обратно и застегнул карман на молнию, но запах духов ощутить успел. Тот же самый, что и недавно. Попутно вспомнил, что список покупок положил не в карман, а в сумку. Утром, уже одевшись, Данилов полез в сумку, проверяя, на месте ли его дорожная книжка, и как раз в этот момент Елена протянула ему сложенный вчетверо лист бумаги. Вместо кармана куртки список оказался в сумке.

Данилов свернул в первую попавшуюся арку, встал спиной к тротуару, внутренне смеясь над комичностью ситуации и немного удивляясь происходящему, достал стринги и внимательно их рассмотрел. Потом поднес поближе к носу – да, действительно, пахнут теми же самыми приторными духами и больше, кажется, ничем.

Разрозненные части головоломки встали на место. В таких случаях принято говорить или писать нечто вроде: «в голове щелкнуло» или «мозг озарила яркой вспышкой мысль», но на самом деле ничего такого не произошло. Данилов просто понял, что кто-то из сотрудников кафедры пытается усложнить его семейную жизнь. Усердно, надо сказать, пытается, респект за целеустремленность и изобретательность. Человек ограниченный, без полета фантазии, такого не находит.

Шерлок Холмс или майор Знаменский из «Знатоков» никогда бы не поступили с уликой так, как Данилов, не выкинули бы стринги в ближайшую урну. Но эти известные сыщики, в отличие от Данилова, были неженатыми, и никто не стал бы задавать им неприятных вопросов типа: «Откуда у тебя это?»

Елена не принадлежала к числу ревнивиц, но всему есть свой предел. Если в кармане у мужа лежат чьи-то посторонние трусики, то к мужу непременно появятся вопросы. Если он ответит неубедительно (ответ вроде: «Не знаю, кто-то на работе подложил без моего ведома», – никак нельзя

считать убедительным), то скандала или бурных объяснений не избежать. А куда они могут завести, никто предсказать не возьмется. Данилов, во всяком случае, не взялся бы. Он вспомнил, как однажды случайно нашел у Елены в сумке дорожную мужскую перьевую ручку, новенькую, в респектабельном футляре¹⁶, и чего напридумывал по этому поводу. А ведь тоже не считал себя ревнивым и до сих пор, если уж говорить начистоту, не считает. Но то – ручка, а тут – трусы.

«А ведь классная подстава! – подумал Данилов, отдавая должное неизвестному интригану или интриганке. – Лучше бы, конечно, подложить трусы в карман пиджака, только их я не ношу. Но и так хорошо, сразу выстраивается логическая цепочка: пришел муж на работу и сразу же, еще не раздевшись, завалил на стол, кушетку, диван или подоконник кого-то там. Снял трусы, сунул в карман (ну, не на пол же их бросать, в конце концов!), а надеть забыл, и она, гадина, не напомнила. Так увлеклись процессом... Здорово!

Половина дела была сделана – круг подозреваемых ограничился кафедрой. Никиту и кого-то еще постороннего можно было не подозревать. Свои поработали, как говорится, и к гадалке не ходи. Долго ли? Зашел в кабинет (на кафедре было принято запирает двери только перед уходом домой, в течение рабочего дня они не запирались, разве что на время тайных перекуров), открыл шкаф, положил трусы в карман, закрыл и ушел. Тем более что путь уже знаком –

---

¹⁶ Об этом рассказывается в книге «Доктор Данилов в море».

недавно духами на куртку брызгали. Просто, как две копейки. И карман был выбран с умом – тот, в котором ничего не лежало, так больше шансов, что посылка дойдет до адресата, – что Данилов явится домой с таким романтическим сувениром в кармане.

«Что мы имеем? – подумал Данилов и тут же ответил на свой вопрос: – Пока что ничего, но можно с уверенностью сказать, что Некто (так он обозначил неизвестную личность) – человек мелкий, подлый и неприятный».

Подобное умозаключение было сделано не столько из-за самих действий, предпринятых Некто, сколько потому, что он (или она) были уверены в том, что жена Данилова шарит по его карманам. А это, знаете ли, показатель.

Перед тем как спуститься в метро, Данилов остановился возле урны и проверил содержимое сумки, которая в течение всего рабочего дня оставалась в кабинете без присмотра. Вдруг и туда подложили что-то этакое – бюстгальтер с оторванной, якобы в порыве роковой страсти, застежкой, любовную записку («Хочу – не могу, жду – не дождусь, люблю, люблю, люблю!!!») или даже что-то из ассортимента магазина интимных товаров.

К счастью, ничего лишнего в сумке не было. Но не факт, что не появится. И очень даже вероятно, что следующим номером программы станет звонок на домашний номер телефона и разговор с Еленой в стиле: «Не мешай нашему счастью, потому что он любит не тебя, а меня». Однозначно.

Некто действует по нарастающей – от сообщений к звонкам на мобильный и к романтическим сюрпризам. От простого – к сложному, от менее – к более действенному.

Решение проблемы напрашивалось само собой – рассказать все Елене и, обезопасив свои тылы, начать вычислять Некто. Сделать это надо было обязательно, и чем раньше, тем лучше. «До купания у нас – «тихий час», тогда и расскажу», – решил Данилов.

Список подозреваемых оказался длинным. В него вошли все сотрудники кафедры, работавшие в семьдесят седьмой больнице, кое-кто из аспирантов и клинических ординаторов – те, кто сегодня были, на кафедре. Не попали в список только двое – заведующий кафедрой и старший лаборант Колосова, даниловская наставница, потому что ей явно было не до интриг, да и отношения между ней и Даниловым сложились самые добрые.

Представить шефа, профессора Погребенько, сующим надушенные стринги в карман чужой куртки, Данилов просто не мог. Главное что – незачем, начальство к столь изощренной мести никогда не прибегает. Если что-то не так, то мечет громы и молнии, а потом гонит взашей. И потом, начальник вызывает сотрудников к себе, по телефону или через секретаря, сам никогда не ходит по кабинетам, он для этого слишком величествен. Если его увидят входящим в лаборантскую или выходящим из нее, то непременно заинтересуются, что случилось. И удивятся. И всем расскажут.

Возраст у шефа еще не маразматический. Данилов вспомнил старенького профессора Пелясина с кафедры факультетской терапии. Тот частенько заговаривался во время лекций, а однажды, рассердившись, плюнул в сторону студентов, мешавших ему своими разговорами. Спустя месяц его проводили на пенсию. Но Пелясину было за восемьдесят, он и выглядел соответствующе. Наш шеф бодр, абсолютно адекватен, полон сил, как умственных, так и физических. Если верить Колосовой, и на молодую любовницу сил хватает, иначе говоря, есть чем развлечься на досуге. Нет, в причастность шефа Данилов не верил.

Секретарю Ирине Георгиевне тоже можно было давать отвод. Отношения с ней начинались и заканчивались на уровне – «здравствуйте» и «до свидания». Ничего более, никаких точек соприкосновения и острых углов. Данилов мысленно вычеркнул ее из списка подозреваемых, но тут же вернул обратно. А кто знает? Маловероятно, но вдруг она вспыхнула к нему тайной страстью и решила развести с женой, вбить, так сказать, клин между ними? Хромые доктора со скверным характером нынче в моде, спасибо доктору Хаусу. Или же она может кому-то содействовать, хотя бы тому же Кулешову... «Темна вода во облацех воздушных»¹⁷.

«Тихого часа» вечером не получилось – Мария Владимировна хныкала, отказывалась спать даже на руках у матери, требовательно кричала. Ничего страшного вроде температу-

---

¹⁷ Псалтырь, 17:12.

ры, вздувшегося животика или, к примеру, расстройства стула не было – ребенок просто требовал внимания. Четыре месяца скоро, можно сказать, сознательный возраст, не только есть, спать и облегчаться хочется, но и общаться. Так и не выбрав подходящего момента, Данилов рассказал Елене новости во время купания дочери. Жена слушала доброжелательно, не хмурилась и не ярилась, а, дослушав до конца, упрекнула:

– Что ж ты выбросил вещдок, Данилов?!¹⁸ Надо было принести.

– Тебе бы размерчик не подошел, и Машке тоже, – попытался отшутиться Данилов. – Да и стиль не твой...

– Я бы тебе выдала психологический портрет этой стервы! Елена не сомневалась, что случившееся – дело рук женщины.

– По трусам? – не поверил Данилов. – Вот уж не знал, что ты экстрасенс!

– Белье говорит о человеке больше, чем паспорт, – уверенно заявила Елена. – Имей в виду на будущее!

– Буду, – пообещал Данилов.

Накормив дочь и уложив ее спать, Елена пришла на кухню к Данилову, сидевшему на кухне с ноутбуком, уселась напротив и поинтересовалась:

– Я не помешаю?

– Нет, конечно.

---

¹⁸ Вещдок – сокр. от «вещественное доказательство».

Данилов оторвался от новостей дня и выжидательно посмотрел на жену. Эти слова означали, что есть разговор, тема для обсуждения.

– Скажи мне, Данилов, только честно, все обстоит именно так, как ты мне рассказал, или же в некоторые нюансы я не посвящена?

– Я рассказал все, что знаю, – ответил Данилов, ожидавший подобного вопроса еще полтора часа назад.

– И ты действительно не давал никому повода? Или – надежды? Если давал, то лучше скажи сейчас. Обещаю снисхождение за чистосердечное признание. Сцен устраивать тоже не стану.

«Сразу придушу и все», – можно было прочесть в ее глазах.

Слова – одно, а глаза, как известно, – зеркало души.

– Ну, как ты можешь, Лен! – упрекнул Данилов. – Чтобы я...

– Ты – здоровый молодой мужчина, находящийся на голодном пайке, – сказала Елена. – Наличие младенца не благоприятствует сексу...

– Нет, – согласился Данилов.

Наличие младенца крайне не благоприятствовало сексу. Мало улучшить удобный момент, так, чтобы обоим хотелось и была бы возможность, надо еще и сохранить эту возможность до конца. То ли по воле случая, то ли по каким-то собственным тайным соображениям Мария Владимировна про-

сто обожала подавать голос, скажем так, на середине процесса. Да не каким-нибудь вялым сонным хныканьем, негромким и недолгим, а бодрым призывным воплем. Все, разумеется, приходилось срочно прекращать. Если делалась попытка к возобновлению, то в восьмидесяти процентах случаев следовало ждать очередного вопля, после которого никому ничего уже не хотелось. Если попытки не было, Мария Владимировна начинала вопить только ко времени следующего кормления.

Елена утверждала, что у ребенка очень острый слух. Данилов возражал: «Она просто вредина» – и грозился впоследствии, лет этак через двадцать, отплатить дочери той же монетой.

– Буду стучаться ночами к ней в спальню и спрашивать: «Машенька, не видела ли ты мою вшивную шелюсть?» – говорил он. – Долг платежом красен!

– Через двадцать?! – вскидывалась Елена. – Через двадцать лет Маша ночами если чем и будет заниматься, то подготовкой к экзаменам, а не разными глупостями! Я уж постараюсь воспитать ее в правильном духе!

– Синим чулком? – поддевал Данилов.

– Серьезным человеком. Пусть сначала получит образование, немного поработает, закрепится в какой-нибудь сфере и тогда уже думает о мужиках!..

Мария Владимировна сопела в кроватке, и выражение лица у нее даже у спящей было какое-то непростое, с хитрин-

кой. Болтайте-болтайте, мол, дорогие родители, стройте планы, а я уж буду жить так, как мне захочется.

– Тебе может захотеться... то есть, показаться... Ну, ты можешь завести любовницу, – продолжила Елена. – В этом нет ничего сверхъестественного и необычного...

Данилов не стал возражать – пусть Елена сначала договорит.

– А потом все закончилось, очень быстро, во всяком случае, гораздо быстрее, чем ожидала она. Зрелые умы в таких случаях лелеют в душе тихую и светлую печаль, а незрелые начинают действовать, – мстить. Чему ты улыбаешься?

– Поражаюсь буйству твоей фантазии, – ответил Данилов. – излагаешь ты складно. Только ничего подобного не было. Никаких интрижек я не заводил. Хочешь, на медицинском справочнике поклянусь или на руководстве по анестезиологии и реанимации?

– Я тебе и на слово поверю, – улыбнулась Елена. – Раз ты говоришь, что не заводил, значит, так оно и было. Извини, просто захотелось внести ясность.

Она встала, чтобы уйти, но тут же снова села.

– Вот еще что хочу тебе сказать, Вова. Имей в виду, что даже если бы я ничего не знала, а мне позвонила бы какая-то женщина и представилась бы твоей любовницей, то я бы в два счета разобралась, что к чему. Это же так просто.

– Как именно? – заинтересовался Данилов.

– Выразила бы недоверие, в качестве доказательства по-

просила бы рассказать, каков ты в постели. Что ты любишь? Что не любишь? Что делаешь хорошо, а что, наоборот, плохо?

– А я что-то делаю плохо? – Данилов притворился очень сильно удивленным.

– Людей без недостатков не существует, – Елена показала ему кончик языка, – но ты можешь не волноваться, твои недостатки малы и только лучше оттеняют твои достоинства.

– А все-таки? – проявил настойчивость Данилов.

– Не заморачивайся... – махнула рукой Елена, – это я так, для профилактики, чтобы ты не зазнавался.

Глава пятая

РЫБАК РЫБАКА ПОЙМЕТ БЕЗ КОНЬЯКА

«In my time of dying, want nobody to mourn
All I want for you to do is take my body home
Well, well, well, so I can die easy...»¹⁹

– Что-то репертуар поскущел! – озаботился Полянский. – Где пульт? Вова, ты видел пульт?

Его под рукой не оказалось, пришлось вставать и переключать музыкальный центр с одного диска на другой вручную.

– Поэтому я и не люблю сборники, – сказал Данилов. – Песни меняются гораздо чаще, чем настроение.

– А мне нравится, – ответил Полянский. – В них есть своеобразный ритм и драйв...

– В последней песне драйва было особенно много, – улыбнулся Данилов. – Я просто еле на месте усидел, так в пляс тянуло.

---

¹⁹ «Когда я буду умирать, не плачьте надо мной; Я попрошу об одном – отнесите меня домой. Да, да, да чтобы я умер легко...» *Led Zeppelin*, «*In My Time Of Dying*», автор текста *John Bonham*

– Ты просто не любишь рок-классику, – констатировал Полянский, – Высоцкого? Или Билли Холидэй?

– Может, исключишь? А то прямо музыкальная гостиная.

– Желание гостя – закон, – Полянский вернулся в кресло и поднял бокал, на дне которого плескался коньяк. – Звон бокалов – лучшая музыка для дружеских посиделок!

– Плесните колдовства, – попросил Данилов, протягивая ему свой пустой бокал.

– Извини, Вова.

Переложив бокал в левую руку (пока не выпил – на стол не ставь, есть такая примета), Полянский правой налил Данилову на два пальца коньяка, вернул бокал обратно и провозгласил тост:

– За все хорошее, что еще должно случиться с нами!

Коньяк был хорошим, мягким, пился легко. Полянский поленился и к приходу Данилова кулинарить не стал. Правда, какое-то гостеприимство проявил: наготовил кучу разномастных бутербродиков-канапе, а между блюдами с ними расставил вазочки с сухофруктами – ароматным инжиром, янтарно-медовой курагой, крупным черносливом и продолговатыми ломтиками груши. Увидев это великолепие, Данилов поинтересовался, уж не ограбил ли друг-приятель какого-нибудь рыночного торговца сухофруктами. Оказалось, что нет.

– Ты помнишь Юру Варакина? – ни с того ни с сего вспомнил Полянский. – Ну, ты должен помнить, такой упитанный

живчик, сын доцентши Петраковой, которая нам акушерство читала...

– Да, – ответил Данилов без особого энтузиазма.

Варакина он не любил. Тот был слишком болтлив, хвастлив и отличался склонностью к тупым плоским шуткам, над которыми чаще всего смеялся в одиночку, зато оглушительно, так, что у окружающих уши закладывало. Тупоумное самодовольное существо с большими претензиями – Юра Варакин.

– Юрка, оказывается, уже лет семь, как уехал в Израиль. Живет где-то возле Тель-Авива, работает в клинике...

Данилов ничего не ответил, вместо этого съел бутербродик с ветчиной и закусил его ломтиком груши. Ну, уехал, ну, живет возле Тель-Авива, ну, работает в клинике. Где же ему еще работать? Не в такси же...

– И угадай кем? – Полянский выжидательно уставился на Данилова.

– Главным врачом, – не задумываясь, ответил Данилов.

Варакин охотно делился с окружающими своими карьерными планами. К тридцати – кандидатская, к тридцати пяти – тридцати семи – докторская, разумеется, с немедленным профессорством, к сорока пяти – заведование кафедрой.

– Я человек скромный, – вещал он, снисходительно взирая на слушателей, – мне не обязательно отхватить кафедру в Первом меде, я и на Дружбу народов согласен...

Под Дружбой народов подразумевался Российский университет дружбы народов, некогда носивший имя Патриса Лумумбы (интересно, сейчас хоть кто-то помнит, кем был носитель этой звучной фамилии?).

– На худой конец можно и главным врачом в перинатальный центр, – продолжал Варакин с таким видом, будто его уже давно и настойчиво зовут в главные врачи, а он раздумывает и колеблется – стоит ли связываться.

Большинство студентов откровенно смеялось над Варакиным, но кое-кто верил. Парочка записных тупиц пыталась с Варакиным приятельствовать, надеясь, что им что-то с этого обломится. Доставалось все обычно только Варакину.

– Нет! – покачал головой Полянский. – Есть еще варианты?

– Санитаром? – предположил Данилов, и по выражению лица друга понял, что попал в точку. – Ничего себе...

– Не смог сдать экзамен на врачебную лицензию. После четвертой попытки махнул рукой и пошел в санитары. Представляешь?! Юрка – санитар! Кто бы мог подумать?

– Да уж, – согласился Данилов, – жизнь иногда выкидывает такие коленца, что хоть стой, хоть падай. А откуда у тебя такие сведения?

– Да завел я себе недавно аккаунт на фейсбуке и просто ужасаюсь тому, сколько народа меня, оказывается, помнит. Каждый день объявляется по два-три человека...

– Ужасаешься – закрой, – посоветовал Данилов, не имев-

ший никакого желания к возобновлению общения с теми, с кем развела его жизнь. — Да не закроешь, ведь тебе же интересно, по глазам вижу...

— Не всегда, — слегка погрузтел Полянский. — Одноклассники с однокурсниками — это нормально, а вот некоторые мои бывшие подруги... как бы сказать...

— Атакуют? — подсказал Данилов.

— Досаждают, — уточнил Полянский. — Одна особа, с которой у меня, можно сказать, почти ничего и не было, сбрендила настолько, что стала писать гадости всем женщинам, которые у меня в друзьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.